Министерство образования Российской Федерации

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Язык • Речь • Речевая деятельность

Межвузовский сборник
научных трудов

Выпуск четвертый
Часть первая

Нижний Новгород
2001

Министерство образования Российской Федерации

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Язык • Речь • Речевая деятельность

Межвузовский сборник
научных трудов

Выпуск четвертый
Часть первая

Нижний Новгород
2001

Печатается по решению редакционно-издательского совета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова

УДК 800

Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск четвертый. Часть первая. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2001, - 89 стр.

В сборник вошли статьи, посвященные актуальным проблемам языкознания, а также вопросам методики обучения русскому языку. Выпускается в трех частях.

Редакционная коллегия:

М.А. Грачев – доктор филологических наук (отв. редактор);
В.Г. Тихонов – кандидат филологических наук;
Н.П. Дмитренко – кандидат филологических наук (отв. секретарь)

Рецензент: доктор филологических наук, доцент Л.В. Рацибурская

© Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2001

К ЮБИЛЕЮ

Высшая школа переосмысливает сейчас накопленный опыт, ищет новые формы и виды обучения, живёт, несмотря на все материальные трудности. И в этом, прежде всего, заслуга подвижников, одним из которых является декан филологического факультета Нижегородского государственного университета ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГЛИНСКИХ.

Г.В. Глинских со студентами филологического факультета

Его биография, как и жизненный путь любой творческой личности, богата событиями. Начал трудовую деятельность, работая токарем Свердловского инструментального завода, затем служба в армии, учёба в Уральском университете, который Георгий Васильевич заканчивает с отличием. За время учёбы в аспирантуре, на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ, в 1970-1972 гг. им была написана и защищена кандидатская диссертация "Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды". Нужно отметить, что Г.В. Глинских владеет мансийским, английским и французским языками.

Знание языков пригодилось Георгию Васильевичу в Ханойском педагогическом университете, где он читал лекции по общему языкознанию вьетнамским студентам и преподавателям. Правительство Социалистической

Республики Вьетнам высоко оценило работу Г.В. Глинских: в 1975 г. он был награждён медалью. Посольство СССР наградило его грамотой.

В Уральском университете Георгий Васильевич прошёл путь от ассистента до доцента кафедры русского языка и общего языкознания. Он был постоянным сотрудником Северно-русской топонимической экспедиции, активным участником Семинара по этимологии, диалектологии и ономастике, членом редколлегии "Словаря русских говоров Среднего Урала" и межвузовского сборника "Вопросы ономастики".

С 1979 г. Г.В. Глинских работает в НГЛУ им. Н.А.Добролюбова: сначала в качестве доцента, затем заведующего кафедрой русского языка и общего языкознания, декана филологического факультета; в 2001г. избран профессором. Именно в Нижегородском лингвистическом университете Георгий Васильевич раскрывается в полной мере как руководитель, учёный, педагог. Он является автором более 50 научных статей, монографии "Очерки теоретической и прикладной топонимики" и учебника "Введение в языкознание", получившего гриф "УМО"; одним из составителей "Словаря русских говоров Среднего Урала". Бесчисленны его общественные нагрузки: член Совета университета, председатель Совета филологического факультета, председатель ГАК в различных вузах, член редколлегии межвузовского сборника "Язык. Речь. Речевая деятельность", член оргкомитетов различных международных научных конференций, входит в состав двух диссертационных советов - всего не перечислишь. Принципиальность, умение отстаивать свои убеждения позволили Г.В. Глинских вместе с ректоратом университета создать хороший факультет со сплочённым коллективом преподавателей и студентов. Работы студентов факультета постоянно занимают призовые места по русскому языку, литературе, английскому языку на областных олимпиадах и на олимпиадах по русскому языку Волго-Вятского региона.

Г.В. Глинских отличается высоким трудолюбием, добросовестностью, пунктуальностью, честностью, надёжностью. Его практические занятия и лекции по русскому языку и языкознанию являются образцовыми. Для членов кафедры русского языка и общего языкознания Георгий Васильевич прежде всего Учитель: он работает с преподавателями, учит вести практические занятия, читать лекции, помогает в научной деятельности. Каждый преподаватель филологического факультета испытывает чувство благодарности к Георгию Васильевичу за помощь в профессиональном росте и видит в нем нравственный пример ответственного отношения к своему делу, внимания к людям.

Коллеги поздравляют профессора Георгия Васильевича Глинских с шестидесятилетием и от души желают долгих лет плодотворной работы и творческих успехов.

Е.В. Анисимова

ВАРИАНТНЫЕ ФОРМЫ ДЕЕПРИЧАСТИЙ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Употребление вариантных форм деепричастий совершенного вида по-разному представлено в грамматических описаниях, словарях и справочниках. В специальной литературе можно встретить характеристики, не лишенные в некоторых случаях субъективизма.

Так, при оценке форм на *–в/-вши* некоторые лингвисты отмечают преобладание форм на *–в* [1,2] или их параллельное существование без указания на преобладание того или иного варианта [3,4]. По стилистической окраске вариантные формы на *–вши* считаются «разговорными или просторечными» [3], имеющими «в той или иной степени разговорный или просторечный характер, иногда оттенок устарелости» [5], указывается также, что они «имеют … более разговорный характер и нежелательны в книжно-письменной речи» [6]. По другим оценкам, формы на *–вши* – «просторечные или разговорные» [4], «носят яркий оттенок архаичности или просторечности» [2]. А.В. Калинин считает формы деепричастий на *–вши* просторечными, диалектными: «В языке современных советских писателей (я имею в виду авторскую речь) их, по-моему, почти совсем нет» [7].

Наши наблюдения показывают, что вариантные формы деепричастий совершенного вида на *–в/-вши* довольно часто встречаются в современной художественной литературе. Образование деепричастных форм с морфом *–вши* характерно для глаголов с основой инфинитива на гласный *–а*, не имеющих постфикса *–ся/-сь*. В обследованных произведениях В.Астафьева зафиксировано 26 таких глаголов. Формы на *–вши*, образованные от данных глаголов, употреблены 36 раз: *внявши* (1 случай употребления), *давши* (2 случая употребления), *догнавши* (1), *забравши* (1), *завязавши* (1), *задавши* (1), *задравши* (1), *захохотавши (1)*, *набравши* (1), *напавши* (1), *обнявши* (1), *отгадавши* (2), *переставши* (1), *побежавши* (1), *побывавши* (2), *полуобнявши* (1), *понявши* (2), *попавши* (3), *похлебавши* (1), *поцеловавши* (1), *принявши (1)*, *прочитавши* (2), *сдавши* (1), *сказавши* (2), *узнавши* (3), *уставши* (1).

В десяти случаях имеются параллельные образования от одного и того же глагола: *дав* и *давши, задрав* и *задравши, побывав* и *побывавши, поняв* и *понявши, попав* и *попавши, похлебав* и *похлебавши, приняв* и *принявши, прочитав* и *прочитавши, сказав* и *сказавши, узнав* и *узнавши.*

Форма *дав* встречается 2 раза, форма *давши* также употребляется в двух случаях: <<И только я назвал фамилию, не *дав* мне договорить, замахал руками...>> (Зрячий посох); <<Тут же, не *дав* опомниться Стрекачу, отчим Людочки собрал в горстищу ворот фрака вместе с малиновой рубахой и поволок удушенно хрипящего кавалера через ...бурьян>> (Людочка); <<...Уже первых убитых откинуло назад, свалило обратно в траншею, так и

не *давши* им перевалить через брустверр, вырваться в чисто поле>> (Улыбка волчицы); <<...Откинувшись на спинку сиденья, как бы задремал, *давши* простор моему глазу>> (Ловля пескарей в Грузии).

Форма *задрав* употреблена 3 раза, форма *задравши* - 1 раз: <<И, *задрав* подол, начала мыть пол, протирать мебель, книжные шкафы в квартире недавно овдовевшего профессора...>> (Печальный детектив); <<Девки взвизгнули, ноги к потолку *задрав,* и принялись громко лупцевать друг дружку вениками...>> (Ода русскому огороду); <<*Задрав* хвосты, грязные, с налитыми кровью глазами, носились по хребту те самые бычки и коровы, которых мы лупцевали прутьями на пути к Кваркушу>> (Медведи идут следом); <<Их [телят] безжалостно лупцевали, а они, *задравши* хвосты, носились по тайге и до того уматывали нас, что к вечеру мы с ног валились>> (Медведи идут следом).

Форма *побывав* встречается 1 раз, форма *побывавши* - 2 раза: <<Леонид пообедал у Паши Силаковой и, не *побывав* у тестя с тещей, уехал в Хайловск на попутной...>>(Печальный детектив); <<Об этой деревушке, *побывавши* здесь, один знакомый поэт написал пронзительные строки: Деревня Быковка. Россия. Двадцатого века печаль>> (Зрячий посох); <<И, *побывавши* в крематории, я не осуждаю писателей, не поехавших туда прощаться>> (Зрячий посох).

Форма *поняв* употребляется 8 раз, форма *понявши* - только 2 раза: <<Федя Лебеда оттянул предохранитель и, словно не *поняв*, в кого велено стрелять, всадил одну, другую, третью пули в колеса самосвала>> (Печальный детектив); <<*Поняв* это, набычился, отвернулся...>> (Печальный детектив); <<...Птаха... успокоенно продолжила работу, *поняв*, что от немощного человека нет ей никакой опасности>> (Печальный детектив); <<*Поняв*, что весь "тиятр" этот разгадан, утка, сердито крякая, летала над моей головой, прогоняла меня вон...>> (Забубенная головушка); <<Дама, не *поняв* его загадочной шутки, все же томно прокурлыкала в ответ...>> (Ночь космонавта); <<Но, *поняв* напрасную причину страха, уж просто так, для облегчения, выдохнешь: "А чтоб тебе пусто было!...">> (Голубое поле под голубыми небесами); <<...Уже *поняв*, какая болезнь привязалась к нему, пробовал скрывать ее Мишка>> (Тельняшка с Тихого океана); <<*Поняв*, что он еще здесь, на этом свете, парень попытался что-то сказать...>> (Людочка); <<...И ломай себе голову - с чем это едят, понимай, как хочешь, не *понявши*, сам становись в угол и майся очередным самоистязанием: "Вон люди какие умные с тобой рядом работают! А ты че? Куда залез-то?>> (Зрячий посох); <<Думай, что пишешь, *понявши*, научись так писать, чтоб все, даже отрицательные евреи, выглядели в твоих произведениях не только натурально, но и убедительно>> (Зрячий посох).

Форма *попав* встречается 3 раза, форма *попавши* также употреблена 3 раза: <<...И с этого момента бывалые рыбаки, *попав* в родную стихию, распускались телом и душой...>> (Печальный детектив); <<*Попав* на

передовую, песня или стих простыми или сложными путями распространялись по окопам>> (Зрячий посох); <<Отар величественно кивнул головой, и мы миновали Кутаиси, и правильно сделали, потому что сэкономили время для священного места - Гелати, *попав* туда с неиспорченным настроением, с неутомленным глазом и недооскорбленной душой>> (Ловля пескарей в Грузии); <<Во всех городах, где я бывал и где встречался с подобными "храбрецами">>, они чувствуют себя вольготно и, увы, нередко безнаказанно и, только *попавши* в колонию, смирнеют, выходят в "ударники"...">> (Зрячий посох); <<*Попавши* на лед, садится в стороне, даже луночку сверлит норвежским сверлом так, чтоб никому шумом не досадить, никого собою не потревожить>> (Светопреставление); <<*Попавши* первый раз в "салон" машины, я поразился удобствам ее...>> (Слепой рыбак).

Формы *похлебав* и *похлебавши* употреблены по одному разу: <<*Похлебав* ухи и попив чаю, я долго сидел у притухающего костра, ни о чем не думая, ничем не тревожась>> (Медвежья кровь); <<Идем в гостиницу, ухи не *похлебавши*>> (Забубенная головушка).

Форма *приняв* встретилась 3 раза, форма *принявши* - 1 раз: <<У пса было другое имя, но с этого дня кобель презрел его и забыл навсегда, *приняв*, будто награду, то званье, которым его нарекла гостья, как оказалось, долгая>> (Печальный детектив); <<*Приняв* первый бой под Москвой, жестокий, беспощадный, Константин Воробьев попал в плен, бежал из Шауляйского лагеря в партизанский отряд и там встретился с Верой Викторовной, которая стала его женой>> (Зрячий посох); <<Артисты по этому случаю раздобыли самогонки, и генерал, отроду не пьющий, оскоромнился, *приняв* стопку буряковского зелья...>> (Курица не птица); <<*Принявши* скот, пастухи похвалили нас: мол с ребятишками гнали, но никакого в стаде урону, а вот шестеро взрослых головотяпов пригнали стадо и потеряли в пути двадцать голов скота>> (Медведи идут следом).

Форма *прочитав* употреблена 1 раз, форма *прочитавши* встретилась 2 раза: <<*Прочитав* статью, ...Александр Николаевич улыбнулся, махнул рукой и сказал, что, слава богу, не стоим на месте...>> (Зрячий посох); <<*Прочитавши* добросовестно целые "портянки" стихов, Александр Николаевич поинтересовался: "Можно начистоту?">> (Зрячий посох); <<...Я ему сказал, что мир очень кругл и узок и что, *прочитавши* в его дневниках о самолете-кукурузнике, сидящем на крыше, вспомнил и место, и городок - это было на окраине городка Зборова...>> (Зрячий посох).

Форма *сказав* употребляется 7 раз, форма *сказавши* - только 2 раза: <<...Где вместе с отроками, с самого раннего утра, не *сказав* - ни единого! - бранного слова, терпит и ждет ее [рыбу] дядя Паша>> (Печальный детектив); <<И хотя второй "хозяин", к которому я, огорченный, помчался, меня нравственно поддержал, *сказав*...>> (Зрячий посох); <<Соседи же, *сказав*: "О вас ведь беспокоятся", с почтением, под ручки препроводили

капитана-директора через ручеек, текущий по оврагу>> (Забубенная головушка); <<Удивил папа и Ярцево, большое село, - покуролесил вдосталь, денежки все прокутил,...обманул сына, *сказав*, что на обратную дорогу "тот деляга" - это, значит, я - денег не дал>> (Забубенная головушка); <<Вот на вере в чудо, способное затушить пожар, успокоить мертвых во гробе и обнадежить живых, я и закончу эту книгу, *сказав* в заключение от имени своего и вашего...>> (Вечерние раздумья); <<...Ну зачем критику, владеющему родным языком, маскироваться, коли он может доступно сказать читателю, что хорошо и что дурно написано в книге...объяснить по мере сил и возможностей, *сказавши*, допустим, что и сам я, критик, не всемогущ и сам пока не знаю, как определить это направление...>> (Зрячий посох); <<Но космонавт осадил его на землю, *сказавши*, что шпионы ходят в шляпах, в макинтошах широкоплечих, монокль у них в глазу, серебряные зубы во рту, в руке тросточка, в тросточке фотоаппарат и пилюли с ядом>> (Ночь космонавта).

Форма *узнав* встречается 6 раз, форма *узнавши* употреблена 3 раза: <<Работать бы ей на колхозной ферме, быть ударницей труда, ... да ее родная мать..., *узнав* про дополнительный набор в пединститут, сказала: "Поезжай, учись на ученую...">> (Печальный детектив); <<*Узнав*, что вытворяют в институте над добрейшем человеком, дед и отец которого перепахали плугом полрайона, ...освирепела>> (Печальный детектив); <<Он [Александр Николаевич] его [Блока] читал всегда и охотно, и, *узнав*, что я, да и Марья Семеновна плоховато знаем этого прекрасного поэта, подписал благодарному слушателю - Марье Семеновне его двухтомник...>> (Зрячий посох); <<Драматург Ш. разговаривал с нами весьма миролюбиво и, *узнав*, что на Урале у нас есть свой домишко и огород, воскликнул: "Что вам не жить?!...">> (Зрячий посох); <<Людочка... заплакала, *узнав* веревочку, приделанную вместо лямки>> (Людочка); <<*Узнав* от хозяйки, что с сего дни начинается нынешняя, ранняя пасха, уважительная трудовая бригада решила отметить этот святой праздник...>> (Слепой рыбак); <<А еще, *узнавши*, что перед ним провинциал, он (писатель) и вовсе начинает не говорить - вещать, провозглашая: "Вот вы там сидите, а мы тут боремся">> (Зрячий посох); <<...*Узнавши*, что я собираюсь писать роман о войне, о быте войны, о солдатах, об окопной жизни - если это можно назвать жизнью, пригласил меня обязательно побывать у него в Пахре, на даче, пожить там...>> (Зрячий посох); <<*Узнавши*, что дела мои плохи, еще острее заболела я, еще одной неизлечимой болезнью русских людей - ностальгией>> (Мною рожденный).

Деепричастия от глаголов *внять, догнать, забрать, завязать, задать, захохотать, набрать, напасть, обнять, отгадать, перестать, побежать, полуобнять, поцеловать, сдать, устать* употребляются в произведениях В.Астафьева только в форме на *-вши*. Почти все деепричастия от этих глаголов употреблены по одному разу, кроме слова *отгадавши*, которое

употребляется 2 раза: <<Вслушаться бы, вслушаться во все ухо в эту непреклонно выраженную мысль, внять ей, а *внявши*, перемахнуть бы Леониду через городьбу...>> (Печальный детектив); <<Покажется бычку - далеко, замычит и неуклюже, вприпрыжку бросится догонять телят; *догнавши*, толкается, норовит забиться в середку стада>>(Медведи идут следом); <<*Забравши* в твердую, двумя подковали объятую, беспощадную пасть блесну Кеши Короба, новожитель реки... продолжал ее жевать>> (Светопреставление); <<...Случалось... и рубаху нижнюю, по рукавам ее *завязавши*, набивал рыбой дядя Паша...>> (Печальный детектив); <<...А писатель, да еще молодой, *задавши* себе вопрос, немедленно захочет получить на него ответ>> (Зрячий посох); <<Таня есть Таня, обижаться на нее невозможно, и, *захохотавши*, я выступил вперед и представился ей>> (Зрячий посох); <<...Картошка, *набравши* цвет, тут же его, почернелый, тряпичный, роняет...>> (Ода русскому огороду); <<Сейчас меньше дерутся...один на один, ...сейчас больше бьют исподтишка, бьют жестоко, увечно, насмерть, артельно одного, *напавши* сзади, - это ли не трусость, не подлость?!>> (Зрячий посох); <<Идет, *обнявши* меня и жену...>> (Забубенная головушка); <<...До конца не *отгадавши*, опять не *отгадавши* вечную тайну>> (Тельняшка с Тихого океана); <<Не она ли, эта российская жалость, переросшая в царскую милость, за минуту до смерти обрушится на нашего гения и страдальца словами: "Даруется жизнь", и он,...вернувшись с каторги, замечется вдруг, *переставши* различать границы зла и добра...>> (Зрячий посох); <<И привычно совали за нижнюю дверь детишек жители восьмиквартирного дома, *побежавши* по делам...>> (Печальный детектив); <<Александр Григорьевич [Дементьев] пригласил с собой, в коридоре полуобнял и так вот, *полуобнявши*, ввел меня в большую, почти пустую комнату, скорее похожую на зал>> (Зрячий посох); <<- Вы гений, тетечка Тосечка! - заявил тенор и поцеловал ей ручку, а *поцеловавши*, тут же грянул жизнерадостно...>> (Курица не птица); <<Я бы и не заглянул в этот куль до дома, возможно, и дома, *сдавши* его на руки жене, не заглянул бы>> (Тельняшка с Тихого океана); <<*Уставши* рубить, воин отдыхал, ел, пил, забавлялся женщинами и снова рубил, рубил>> (Вечерние раздумья).

Деепричастия с морфом *-в* в приведенных примерах из произведений В.Астафьева употребляются в авторской речи. Все формы деепричастий с морфом *-вши* также употреблены в авторской речи, и в стилистическом отношении они не противопоставлены формам с морфом *-в*. Об этом, в первую очередь, можно судить по формам, образованным от одного и того же глагола. Здесь есть случаи употребления варьирующихся форм в очень близких контекстах, в одних и тех же или тождественных словосочетаниях. Так, формы *задрав* и *задравши* употребляются в рассказе "Медведи идут следом" в словосочетании *задрав* (*задравши*) хвосты. Деепричастия *похлебав* и *похлебавши* встречаются в словосочетаниях *похлебав* ухи (Медвежья кровь) и ухи не *похлебавши* (Забубенная головушка).

Деепричастия *прочитав* и *прочитавши* употреблены в словосочетаниях *прочитав* статью и *прочитавши* целые "портянки" стихов (Зрячий посох), причем речь идет об одном и том же человеке.

Контексты, в которых встречаются деепричастия с морфом *-вши*, употребляемые В. Астафьевым только в такой форме, тоже не дают оснований говорить о сниженной стилистической окраске форм на *-вши*, поскольку в аналогичных контекстах употребляются и деепричастия на *-в*.

Примечания

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. С.3.
2. Граудина Л.К., Ицкович З.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.,1976. С. 225; 230; 226.
3. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С.68.
4. Русская грамматика. М., 1980. Т.1. С. 73.
5. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М.,1974. С. 196.
6. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.,1983. С. 150.
7. Калинин А.В. Культура русского слова. М.,1984. С. 256.

Т.П. Белоусова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЕДИНИЦ ФРАЗЕОДЕРИВАЦИОННОГО ГНЕЗДА

(на материале гнезда фразеологизма *мыльная опера*)

Современная дериватология различает два процесса, затрагивающих фразеологический пласт языка: первичную деривацию, направленную на создание фразеологических единиц (ФЕ) из слов, словосочетаний, предложений и т. д., и вторичную, направленную на преобразование уже существующих фразеологизмов в новые фразеологизмы и слова (см. работы Н.М. Шанского, А.В. Кунина, Ю.А. Гвоздарева, Г.Г. Соколовой, В.Т.Бондаренко, В.И. Поротикова, М.Б. Ташлыковой и др.).

Исследователи вторичной фразеологической деривации, суть которой составляют семантические или структурно-семантические преобразования ФЕ [1], все чаще обращаются к гнездовой организации деривационных отношений исходной единицы и её производных. Тем самым подчеркивается изоморфизм деривационных процессов на фразеологическом и лексическом (словообразовательном) уровнях. Изучение структурно-семантических отношений между единицами фразеодеривационного гнезда (ФГД) признается актуальным и перспективным в работах Ю.Ю. Авалиани, А.М.Бушуя, В.П. Губарева, С.Н. Денисенко, Е.И. Жоламановой, В.М.Ронгинского, А.М. Эмировой и др.

Фразеодеривационное гнездо мы определяем как упорядоченную мотивационными отношениями совокупность исходного фразеологизма и его производных слов и ФЕ; тематическое единство гнезда строится на общей семантике, конденсированной в исходном фразеологизме, а структурное единство - на представленности во всех производных хотя бы одного компонента (или основы компонента) исходного фразеологизма.

Системные связи единиц ФДГ рассмотрим на примере широко разветвленного и активно пополняющегося гнезда с вершиной МЫЛЬНАЯ ОПЕРА. Деривационная активность американской по происхождению и разговорной по стилистической окраске идиомы имеет, как представляется, социальные корни и связана с бурным вторжением в нашу «тележизнь» соответствующей реалии. «Идиомы, - по справедливому замечанию Н.К.Кваша, - являются своего рода барометром культурной и идеологической ситуации в обществе, их функционирование наиболее чутко реагирует на изменения в социальной жизни этноса, на эволюцию ценностных и моральных стандартов» [2].

По данным Англо-русского словаря [3] и Словаря американских идиом [4], SOAP OPERA- МЫЛЬНАЯ ОПЕРА- это многосерийная радио- или телепостановка на семейные или бытовые темы, обычно сентиментального характера, включающая секс, криминал, социальные интриги. Такие шоу первоначально создавались на деньги, полученные от рекламы моющих средств (в том числе и мыла), отсюда и их название.

Сегодня можно констатировать, что в постсоветском обществе этот заимствованный фразеологизм приобрел совершенно определенные семантические ассоциации и культурные коннотации, стал своего рода «элементом языка культуры» [2]. Свидетельство тому - его активное использование в разных сферах коммуникации (особенно в таких социально значимых, как средства массовой информации и детективная литература), в том числе сопровождающееся разнообразными семантическими и формальными преобразованиями деривационного характера.

«Диапазон приемлемости» по отношению к мыльной опере колеблется от резкого неприятия до снисходительно-иронического подтрунивания, от равнодушия до восторженного одобрения. С одной стороны, мыльные оперы принято считать несерьезным кино, которое не получает ни «Оскаров», ни «Пальмовых ветвей», в котором заняты, как правило, актеры второго состава, именно здесь начинающие свою карьеру. Сюжеты чрезвычайно запутанны, порою бессмысленны, но могут «раскручиваться» бесконечно, а сами сериалы поставлены на поток, снимаются, как на конвейере; съемки низкого качества, малозатратные, и потому ... эти фильмы можно смотреть с середины, с 59-й серии, вперемешку с другими, идущими по другим каналам, - в любой последовательности. Пусть вас не смущает, что на первый взгляд актеры известные и сюжеты разные - на самом деле все герои говорят и делают одно и то же, их машины едут по одним дорогам, их

пистолеты стреляют в одно и то же время, их романы заканчиваются одним и тем же, на второй минуте фильма вы уже всё знаете... На психику человека эти «фильмы» действуют хуже, чем все ужасы и откровенное порно вместе взятые («Факты» 2000, 23 марта). А для кого-то мыльные оперы стали своеобразным «жизнезаменителем» и «жизнеподдержателем», позволяющим в наше сложное время ..., наблюдая за нехитрыми переплетениями бессмысленного сюжета, отдохнуть душой и телом («Космополитен» 1997, июнь); Почему рекламная минута в уругвайской «мыльной опере» стоит куда дороже, чем в российском политическом ток-шоу? - Да потому, что наблюдать дрязги Жириновского или Явлинского женщина не любит, а сопереживать разбитым сердцам Марии-Лауры и Хулио-Сесара женщина обожает («Космополитен» 1997, май). Самые преданные зрители такого кино- дамы преклонного возраста, пенсионерки и скучающие барышни; большинство же телезрителей (а у нас, в отличие от Америки, радиосериалы широкого распространения не получили) воспринимают мыльные оперы как своеобразный фон: После работы пришел усталый, завалился на диван, включил телевизор - ага, опять «экшн», «фильмушка про войнушку»- ну, пускай в качестве фона останется ... («Факты» 2000, 23 марта).

Появление на экранах сколько-нибудь выдающегося многосерийного фильма вызывает волну обсуждений, всплеск интереса и обращение к ставшему популярным вопросу: «мыльная опера или серьезное кино?» Так было и в период трансляции сериала «День рождения буржуя» (вспомним передачу «Табу», сделанную студией «1+1» 4 февраля с.г.), и в связи с появлением на украинском телевидении «Ментов», «Убойной силы», «Бандитского Петербурга» и др.

Интерес к реалии закономерно обусловливает интерес к её наименованию. При отсутствии «своего» экспрессива активно эксплуатируется калькированный: субстантивная фразеологическая единица с затемненной для носителя русского языка этимологией подвергается различным трансформациям, в которых реализуются приписываемые ей ассоциативные связи, прежде всего, связи компонента *мыльная*.

Логику и результаты деривационного процесса отражает гнездо, в котором представлены все типы производных слов, характерные для гнезда субстантивной ФЕ [5], и вторичные фразеологические единицы, так или иначе связанные с исходной. Наблюдения показывают, что незамкнутая структура гнезда включает:

слова и фразеологизмы, семантически тождественные вершинной ФЕ, созданные в направлении на означающее;

модификационные образования, частично изменяющие базовую семантику, так называемые синтаксические дериваты;

мутационные образования, созданные в направлении на означаемое, то есть для наименования тех или иных реалий объективной действительности.

Обратимся к их описанию, учитывая, что в настоящее время ФДГ с вершиной МЫЛЬНАЯ ОПЕРА примерно таково:

МЫЛЬНАЯ ОПЕРА	мыльн-о-опер-н-ый		
	мыль-ниц-а		
	мыльный1	МЫЛЬНАЯ ПРОДУКЦИЯ2	
		мыль-н-ый2	МЫЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ [страсти]
			МЫЛЬНАЯ ФАБРИКА
	мыл-о	мыл-и-ть-ся	пере-мылиться
			телемыло
			СЕСТЬ НА МЫЛО
	МЫЛЬНАЯ ПРОДУКЦИЯ1		

1.Семантически тождественные дериваты, созданные в направлении на означающее.

Наиболее распространенным в письменной и устной речи является однословное производное МЫЛО, вобравшее в себя коннотативно-денотативное значение производящего фразеологизма и получившее дополнительные коннотации на основе сближения со словом свободного употребления *мыло* - ‘растворяющаяся в воде масса, употребляемая для мытья’ [6]. Способ образования - десуффиксация адъективного компонента - характерен для деривации на базе субстантивных фразеологизмов, ср.: мыльная - мыло; сермяжная (правда) - сермяга; закадычный (друг) - закадыка; шарашкина (контора) - шарашка и др.

Выбор формально мотивирующей основы словообразования, как было отмечено, обусловлен живыми ассоциативными связями компонента мыльная1, которые эксплицированы в таких контекстах: Как обычно по вечерам, на одних каналах обильно пенились мыльные оперы, на других мельтешила реклама - эти ненавязчивые картинки счастливой и безоблачной жизни (Ф. Незнанский «Секретная сотрудница»); Мыло, пена, пузыри... (название статьи в «Космополитен»).

Дериват, отмеченный особой экспрессивностью, встречаем на страницах газет и журналов, в речи телеведущих и гостей популярных передач, в откликах телезрителей. Вот только некоторые примеры: «Мыло» снимают на средства от рекламы, реклама функционирует благодаря женщине, женщина смотрит «мыло» с рекламой, на средство от которой снимается очередное «мыло» («Космополитен» 1997, май); С «мылом» – навсегда! Не желая расставаться с героями сериала «Секрет тропиканки», жители села Локотки дали домашним животным имена персонажей мыльной оперы... («Интересная газета: Курьезы» 1998, вып. 23); К «мылу» надо относиться как к «мылу», то есть не более и не менее серьезно, чем оно того заслуживает («Киев. вед.» 2000, 4 февр.); Неизменным остается лишь молодежный сериал «Беверли Хиллз». Да и каких изменений можно от него ожидать? «Мыло» как «мыло» («Факты» 1999, 6 авг.); Количество «мыла»

резко ограничиваем и очень внимательно будем отбирать фильмы для кинопоказа («Факты» 1998, 31 дек.); Требования к уровню материала, использованного в «мыле», очень занижены ... «Никита», «Горец» ... По качеству съемок они очень отличаются от «мыла» («Факты» 2000, 4 февр.); Нужно уменьшить количество «мыла» на телеэкранах... (ТВ – «Табу» 2000, 4 февр.); Встречи, поездки, любимая работа... Кто из современных артистов имеет больше? Какая разница: «мыло» – не «мыло», сериал - не сериал! (ТВ - «Сніданок з 1+1», встреча с артистами из сериала «Менты»); Меня раздражает бразильское «мыло» (ТВ - «Сніданок з 1+1» 2000, 8 дек., пейджинговое сообщение) и др.

Преимущественно телевизионный характер мыльных опер подчеркнут в производном ТЕЛЕМЫЛО, образованном от предыдущего префиксоидным способом: один из фильмов, транслируемых в блоке «Імперія кіно» 14 августа 2000 г., назван «лентой, сделанной по всем канонам телемыла».

Однако мыльная опера - это не только телевизионный продукт, но и печатный, хотя в словарях это значение ФЕ не зафиксировано. Тем не менее: Появившаяся на английских прилавках книга «Ферги. Жизнь за кулисами» – это очередная серия «мыльницы», в которую пишущая братия с пользой для себя превратила личную жизнь королевской семьи («Комс. правда в Украине» 1996, 22 нояб.). В деривате МЫЛЬНИЦА, как и в МЫЛО, отразилась речевая тенденция к использованию готовой формы для выражения «внесистемного» значения и к «сталкиванию» двух значений как способу создания экспрессивности. Суффиксальный деадъектив (не десубстантив, как в узусе!) формально сближен с наименованием ‘коробочки или специального блюдечка для мыла’ [6], в то время как его диссонанс с конкретным окружением и кавычки останавливают внимание читателя, побуждают искать структурно-семантическую связь с необычной мотивирующей базой-фразеологизмом.

К описываемой разновидности дериватов относится и вторичная фразеологическая единица (ФЕ') МЫЛЬНАЯ ПРОДУКЦИЯ, созданная либо способом субституции компонента *опера* существительным *продукция*, усиливающим сему результативности (в гнезде - МЫЛЬНАЯ ПРОДУКЦИЯ1), либо путем «наращения» деривата МЫЛЬНЫЙ указанным существительным (МЫЛЬНАЯ ПРОДУКЦИЯ2). Источник дополнительной экспрессивности единицы - намеренное сталкивание со свободносинтаксическим коррелятом, что удачно обыграно в таком контексте: На студии им. Горького будут снимать настоящее «советское мыло»... Пока что «конвейер» еще не заработал: в настоящее время на будущей «мыльной фабрике» идут сценарно-подготовительные работы. Дабы никто не помешал ударной работе над «дефицитной» мыльной продукцией, бригада трудится в особом студийном помещении («Киев. вед.» 1996, 11 окт.). А журналист Этери Чаландзия подчеркивает: «Шутки шутками, но от неумеренных употреблений мыльной продукции в больницу

попадали – с диагнозом нервное расстройство... Серьезные конфликты в семье не зависят от повышенной чувствительности некоторых его членов к мыльной продукции» («Космополитен» 1997, июнь). Семантическое тождество ФЕ с дериватом МЫЛО и исходной единицей гнезда отражено в диалоге: (Ю. Рогоза:)- Сейчас молодые ребята пишут для себя настолько современные замечательные композиции, что мне незачем с ними состязаться. Слава Богу, я вовремя это понял и занялся другим. (Кор.:)- Например, производством «мыльной» продукции? (Ю. Рогоза:)- Прошу не путать «мыло» с телесериалами («Факты» 2000, 4 февр.).

Воспроизводимость описанной единицы свидетельствует о ее фразеологизации, в отличие, например, от «одноразового» сочетания МЫЛЬНАЯ ЭПОПЕЯ, которое с иронией было использовано ведущим программы «Былое» (телеканал «Интер», 7 марта 2000 г.) в отношении сериала «Рабыня Изаура» (сравним: эпопея - ‘крупное произведение эпического характера, повествующее о значительных исторических событиях’ [6]).

2.Модификационные образования, синтаксические дериваты.

Слово- и фразеобразовательными модификациями считаем производные с общим значением ‘относящийся к тому, что названо производящим’. Среди них - суффиксальный композит МЫЛЬНООПЕРНЫЙ - ‘характерный для мыльной оперы, свойственный мыльной опере’, наиболее репрезентативный из всех благодаря представленности в его структуре основ двух компонентов базового фразеологизма и незначительному семантическому сдвигу: «Никита не любил латиноамериканских сериалов, а потому не имел особого желания стать одним из «мыльнооперных» героев, попадающих в центр разборки между двумя бабами» (Л.Влодавец «Фартовые ребята»).

Коннотативно-атрибутивный компонент исходного фразеологического значения передает и дериват МЫЛЬНЫЙ1, образованный путем вычленения из ФЕ (в другой терминологии - эллиптизацией субстантивного компонента). «Оторвавшись» от опорного, определяемого слова, он приобретает способность характеризовать другие имена и даже уточнять значения других фразеологизмов: На нашем телевидении все началось в 1989 году. Первой мыльной ласточкой стала «Рабыня Изаура». Сегодня в телепрограмме на неделю можно отыскать примерно 30 различных сериалов... Были времена, когда их снимали только в Америке. Лишь в 70-х мыльный вирус проник в Европу, а затем поразил крупнейшие телекомпании мира («Космополитен» 1997, июнь), ср.: первая ласточка - ‘самый первый в ряду последовавших за ним’ [7].

Прилагательное МЫЛЬНЫЙ может быть интерпретировано и как созданное от МЫЛО суффиксальным способом по законам русской словообразовательной системы с реализацией обычных словообразовательных значений ‘относящийся к тому, свойственный тому,

характерный для того, что названо производящим'. МЫЛЬНЫЙ2 функционирует, например, в таком контексте: «Следует обратить внимание на страдания мужчин. В противном случае можно поиметь все ужасы семейной жизни не в мыльном, а вполне реальном исполнении.» («Космополитен» 1997, июнь).

3.Мутационные образования, созданные в направлении на означаемое.

Дериваты, входящие в эту группу, представляют наибольший интерес с точки зрения диапазона структурно-семантических изменений вершинной единицы гнезда.

Так, на базе описанного ранее производного МЫЛЬНЫЙ2 возникло устойчивое сочетание МЫЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ (страсти), которое по признаку воспроизводимости может быть отнесено к фразеологическим: Надоела... «Зимняя вишня» со своим «мыльными» страданиями. Ну жалко, жалко Елену Сафонову, но сколько можно? («Факты» 1999, 5 февр.); ... дамы преклонного возраста, нервная система у которых не в состоянии переносить чужие страдания, пусть даже вымышленные и мыльные («Космополитен» 1997, июнь); Погрузившись в мягкое кресло и пучины мыльных страстей... (Там же).

Для наименования 'места, где создаются мыльные оперы', в частности, киностудии, создана ФЕ' МЫЛЬНАЯ ФАБРИКА, которая структурно и семантически является результатом деривационной цепочки МЫЛЬНАЯ ОПЕРА - МЫЛО - МЫЛЬ-Н-ЫЙ2 - МЫЛЬНАЯ ФАБРИКА: ... в настоящее время на будущей «мыльной фабрике» идут сценарно-подготовительные работы. Как это принято на настоящих «мыльных фабриках», заняты в сериале будут неизвестные актеры, которые, как правило, именно в подобных фильмах начинают свою карьеру («Киев. вед.» 1996, 11 окт.).

От субстантивного деривата МЫЛО суффиксально-постфиксальным способом образован глагол МЫЛИТЬСЯ- 'быть зрителем «мыла», смотреть «мыло»', ср.: мылиться- 'натирать себя мылом, мыть мыльной пеной' [6]. От него , в свою очередь, создано префиксальное производное ПЕРЕМЫЛИТЬСЯ, омоним которого в узусе отсутствует (при наличии перемылить- 'мылить всех или многих'). Оба глагола объединяются в сочетание по фразеологизированной структурно-семантической модели МЫЛИТЬСЯ - НЕ ПЕРЕМЫЛИТЬСЯ: ... пока существует женщина, нам с вами мылиться не перемылиться на всю оставшуюся тележизнь («Космоплитен» 1997, май), ср.: носить (вам) не переносить - в качестве пожелания кому-либо. В буквальном смысле описываемое сочетание означает смотреть мыльные оперы еще очень долго, то есть (по тексту) до тех пор, пока женщина смотрит рекламу, на средства от которой снимается очередное «мыло».

Весьма показателен и фразеологический дериват СЕСТЬ НА МЫЛО: По правде говоря, я даже не знаю, «сядет» ли на «мыло» украинский зритель. Не уверен. Все-таки он воспитан на серьезном киноматериале

(«Факты» 2000, 4 февр.). В этом сочетании также реализуется известная языку воспроизводимая модель «сесть на + сущ. (В.п.)» со значением подвергнуть себя каким-либо ограничениям, подчинить себя какому-либо режиму [4], ср.: сесть на диету, сесть на иглу. В пользу актуальности и «жизнеспособности» ФЕ' СЕСТЬ НА МЫЛО свидетельствует, например, то, что в передаче «Табу» от 19 февраля с.г. прозвучала фраза: «Посадить людей на серию советским кинематографистам удалось уже давно», которая явно перекликается с предыдущей по смыслу.

Подводя итог, отметим, что к настоящему времени для усиления экспрессии, определенного эстетического и психологического воздействия на адресата, семантической компрессии текста, смысловой адаптации фразеологизма в русскоязычной среде, именования и переименования предметов и явлений объективной действительности реализован целый ряд деривационных потенций ФЕ МЫЛЬНАЯ ОПЕРА и создано фразеодеривационное гнездо, способное пополняться новыми производными словами и фразеологизмами. Структурно-семантические связи в гнезде не соответствуют тем, что отражены в существующих толковых, фразеологических, словообразовательных и др. словарях, так как они обусловлены межуровневым взаимодействием языковых единиц. Представляется, что дальнейшее изучение таких связей весьма перспективно, в том числе с целью составления гнездового фразеодеривационного словаря.

Примечания

1. Бондаренко В. Т. Деривация фразеологических единиц на базе устойчивых фраз. Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: Тез. докл. Пермь, 1991. С. 271.
2. Кваша Н. К. Устойчивые сочетания в языке газетных заголовков: разрушение клише как специальный прием. Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвуз. сб. науч. тр. Н.Новгород, 2000. Вып. 3. Ч.4. С. 3 -4.
3. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М., 1985. С.81.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 372; 620.
5. Словарь американских идиом: 8000 единиц /Оформление А. Лурье. СПб, 1997. С. 23-35.
6. Белоусова Т. П. Словообразование на базе именных фразеологизмов в современном русском языке Русская филология. Украинский вестник. Харьков, 2000. № 1-2. С. 22-27.
7. Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986. С 221.

Т.В. Васильева

ОБУЧАЮЩИЕ ТЕСТЫ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В настоящее время усилия преподавателей русского языка как иностранного направлены на создание тестов лингводидактического характера [1]. С помощью корректно составленных систем заданий, имеющих характер тестовых, можно оперативнее и в более интересной форме проверять объем и качество знаний испытуемых. Такая работа полезна и потому, что она может привести, как показывает наш многолетний опыт проведения лингвистического и психодиагностического тестирования в группах иностранных студентов, осваивающих русский язык как иностранный на начальном этапе обучения, к изменению взгляда на сам процесс овладения языком.

Работа над созданием тестов и методика их проведения – достаточно сложная и трудоемкая задача. Это связано не только с корректной разработкой самого тестового блока, который с большей степенью объективности давал бы информацию об уровне владения теми или иными знаниями тестируемого по сравнению с другими видами контроля, но и с точным выделением того объема учебной информации, на базе которого проводится проверка уровня знаний учащихся. По мнению многих специалистов, данная работа, как и любая другая, требует от создателя тестов наличия соответствующей квалификации в разных областях наук, связанных с обучением.

Не следует забывать, что решение проблемы по созданию тестовых материалов, определяющих уровень знаний обучаемого, - это лишь одна сторона сложного процесса обучения. Наша активность не в меньшей степени должна быть направлена и на создание учебных пособий, которые бы органично вписывались в данную систему контроля, а контроль явился бы естественным продолжением учебного процесса, т.е. на этапе контроля перед обучаемым ставились бы знакомые по типу исполнения задачи. Учащийся не должен испытывать дискомфорта из-за того, что он не понимает, как должна выполняться та или иная учебная задача, характер заданий на этапе контроля не должен противоречить характеру заданий, которые ставились перед ним в процессе обучения.

Идя вслед за нашими зарубежными коллегами в области разработки контролирующих тестов, (и в этом, наверное, нет ничего плохого, так как этими специалистами накоплен огромный опыт в области проведения работы по определению уровня знаний учащегося с помощью различных систем тестовых заданий), необходимо иметь в виду то, что вся система обучения, характер учебных заданий, предлагаемых учащемуся на тренировочном этапе, целенаправленно готовят его к прохождению

контролирующего этапа. Если мы обратимся к учебным комплексам обучающим, например, английскому языку как неродному, то увидим, что они содержат непривычные, нехарактерные и редко встречающиеся в наших учебных пособиях задания. Учебные же пособия, которые мы до сих пор получаем в свое распоряжение, например, для начального этапа обучения, содержат, в основном, задания, которые по своему характеру далеки от тестовых. Кроме того, во многих учебниках нечетко или совсем не представлены системы заданий, направленных на выработку навыков и умений отдельных видов речевой деятельности, хотя в стандартах такое деление отражено в разделах, специально направленных на проверку, например, письма, чтения и т.п.

Следовательно, в настоящее время необходимо обратиться к созданию таких учебных пособий, в основе которых лежали бы задания по характеру близкие к тестовым, и которые имели бы органичное продолжение на этапе контроля. Тем более, что в методической литературе [2] отмечается, что «в процессе формирования речевых навыков и умений успешно используются тесты прогресса и достижений и тесты фактических знаний» (тесты прогресса и достижений проверяют результаты достижений иностранных учащихся за определенный отрезок времени), и что «система тестовых заданий как особый комплекс фасетных заданий, построенных по принципу возрастающей трудности, может быть использована не только для контроля, но и в каждодневной работе в качестве специфической системы упражнений для тренировки, закрепления и проверки навыков и умений».

Надо сказать, что учебных пособий, где процесс формирования речевых навыков и умений в области РКИ строился бы на основе заданий тестового характера, к сожалению, в настоящее время мы так не имеем. Поэтому хотелось бы поделиться некоторыми нашими наблюдениями и результатами работы по проводимому уже более 10 лет обучению иностранных учащихся на основе созданных нами учебных пособий. Все эти пособия базируются на специально разработанной системе тестов прогресса и тестов достижений.

Методическая концепция нашей модели обучения нашла отражение как в печатных изданиях, так и в компьютерных дидактических материалах по русскому языку для начального этапа обучения, с помощью которых организовывается работа с учебными материалами в режиме самостоятельной деятельности. Созданные нами учебные материалы для самостоятельной работы и коллективная работа в аудитории под руководством преподавателя в комплексе обеспечивают функционирование обучающей модели, основная цель которой – интенсификация процесса формирования навыков и умений во всех видах речевой деятельности (ВРД) по русскому языку как иностранному на начальном этапе обучения (НЭО).

Первый опыт создания и использования учебных материалов, в которых учебная информация представлена в системе тестовых заданий, был предпринят нами в начале 80-х годов. На основе созданных учебных материалов в течение ряда лет проходило экспериментальное обучение иностранных учащихся в рамках интернациональных групп. С этой целью учебные материалы были переведены на все основные языки-посредники, которыми в той ли иной степени владели участники обучения. Причем перевод осуществляли носители языка, как правило, студенты, прошедшие обучение по этому курсу.

Впервые основные принципы нашей методической концепции нашли отражение в учебном пособии Т.В. Васильевой, О.И. Руденко-Моргун «Развитие речи путем активизации памяти и внимания». Последующее развитие она получила в следующем учебном пособии Т.В. Васильевой, О.И. Руденко-Моргун «Слушай, читай, смотри – говори!». Впоследствии учебная модель была дополнена компьютерными дидактическими материалами «АБВ - русский алфавит в играх и упражнениях» (“Russian Dictionary through Exercises”); «Русский словарь в упражнениях» (“Russian Dictionary through Exercises”); «Падежный детектив» (“Case Detective”); «Звучащие карточки» (“Flash Cards”).

Созданию вышеперечисленных учебных пособий предшествовала большая теоретическая и практическая работа научной группы, в которую входил и автор данной статьи.

В начале 80-х годов в Российском университете дружбы народов на кафедре русского языка подготовительного факультета начала работу научная группа по определению языковых способностей учащихся под руководством зав. кафедрой Е.С. Кузьминой. Данная научная группа, работавшая в течение нескольких лет, ставила перед собой задачу получить информацию об уровне развития способностей нашего потенциального учащегося, определить уровень его подготовленности к овладению неродным языком.

На основе изучения наиболее известных теоретических работ зарубежных и отечественных психологов, занимающихся проблемой управления познавательными процессами и разработкой различного рода тестовых систем, участниками научной группы была предпринята попытка создать систему тестов психодиагностического характера. Эта система тестов была опубликована в научно-методической работе Л.К. Аношкиной «Методические рекомендации по определению уровня подготовки студентов к изучению русского языка как иностранного на подготовительном факультете»[3]. С помощью разработанных нами тестов мы определяли уровень развития, прежде всего, вышеперечисленных способностей учащегося, которые, как правило, обеспечивают успешность обучения вообще и неродному языку, в частности.

Руководствуясь поставленной задачей, мы создали специальную систему упражнений, направленную, прежде всего, на активизацию основных психических функций головного мозга, памяти и внимания, которые играют, как утверждают психологи, определяющую роль в процессе освоения иноязычной речи.

Как известно, развитие вышеназванных психических функций требует выполнения тренировочных заданий особого типа, отличающихся от тех, которые мы привыкли видеть в традиционных учебниках по русскому языку как иностранному.

Студент в модели обучения, в основе которой лежит система заданий тестового характера, рассматривается нами как активный и интерактивный исследователь, стратег, "головоломщик", который владеет способами решения проблем и способами обработки информации. Работа с учебными материалами в рамках данной модели обучения предполагает четкий алгоритм чередования работы учащегося в индивидуальном режиме (во время обработки различных тестов) с коллективной работой в аудитории под руководством преподавателя. Главной целью аудиторной работы становится общение учащихся и учителя на базе самостоятельно проработанного учащимся речевого и языкового материала как с печатными изданиями, так и с компьютерными. В ходе коллективной работы, общения с участниками обучения и преподавателем как организатором такого общения учащийся находит подтверждение тем или иным выводам, к которым они приходят после обработки определенной порции учебной информации.

На начальном этапе обучения русскому языку целесообразно использовать такие разновидности самостоятельной работы как наблюдение, имитацию (работу по образцам), решение лингвистических задач на базе максимального количества опор.

Итак, для реализации одного из основных дидактических принципов обучения - принципа самостоятельности (ведь оптимальное вовлечение учащегося в учебный процесс - это гарантия успешности обучения), мы снабдили учебный материал нашей обучающей модели следующим обслуживающим инструментарием:

- учебное пособие предваряет введение - обращение к учащемуся на языке-посреднике, в котором дается подробное описание целей, задач и способа работы с учебными материалами курса;
- весь необходимый для освоения лексический материал и обслуживающая информация (инструкции к заданиям) переведены на языки-посредники, которыми в той или иной степени владеют приезжающие к нам на обучение иностранные студенты;
- все учебные материалы (тексты для чтения, диалоги, а также упражнения) представлены в аудиозаписи;
- все уроки курса снабжены соответствующим лексико-грамматическим и лингвокультурологическим комментарием;

- даны ключи к упражнениям;
- присутствует маркировка ударения (отсутствие маркировки ударения, которое наблюдается во многих учебных пособиях, адресованных иностранным учащимся, начинающим изучать русский язык, неприемлемо).

Можно сказать, что мы предоставили нашему учащемуся всё необходимое для того, чтобы он мог самостоятельно, в индивидуальном и благоприятном для него темпе осуществлять все учебные действия с целью освоения необходимой учебной информации.

Основой первого варианта учебного пособия такого типа стала специально разработанная нами система тестовых заданий, направленных на развитие речевых умений при активизации памяти и внимания (учебное пособие «Развитие речи путём активизации внимания»). Эта система получила свое дальнейшее развитие и в компьютерных дидактических материалах (названия см.выше). Работа над данной системой продолжается и сейчас.

Формирование речевых навыков на базе предлагаемой нами системы проходит поэтапно. Вся учебная информация, представленная в пособии, актуальна для начинающих изучать неродной язык. Языковой и речевой материал, обслуживающий уроки-ситуации в этом учебном пособии, тщательно отобран и строго дозирован. (Как показывает наш многолетний опыт обучения русскому языку как иностранному на начальном этапе, информативная как лингвистическая, так и экстралингвистическая перегруженность отрицательно влияет на процесс запоминания). Учебный материал ситуации, предназначающийся для обязательного освоения, представляется небольшими порциями через варианты текстов-образцов. Каждый последующий текст-образец содержит в себе новую информацию лингвокультурологического характера.

Целям развития навыков и умений во всех видах речевой деятельности информационными источниками созданной нами обучающей модели служат как невербальные, так и вербальные средства: иллюстрации, таблицы, различного объема тексты, часть из которых представлена непосредственно на страницах книги (тексты для чтения), а часть воспринимается только со слуха (тексты для аудирования), а также учебный материал, тренирующий навыки диалогической речи.

Мы уже обращали внимание на то, что вся обслуживающая информация, тексты-образцы, а также отдельные новые лексические единицы, предъявляемые в тестовых заданиях, сопровождающих тексты-образцы, представлены в двух вариантах: на русском языке и на языке-посреднике, которым в той или иной степени владеет учащийся. Это, как показывает практика, также способствует оптимизации процесса семантизации учебной информации и помогает анализировать и сопоставлять формальное выражение смысловых связей в изучаемом языке и языке, которым он владеет.

Необходимо отметить и то, что при отборе грамматического материала и разработке системы упражнений мы исходили прежде всего из особенностей русской языковой системы, которые, как правило, вызывают трудности у большинства иностранных учащихся независимо от того, какой язык является для него родным. Прибегая к этому способу семантизации, мы учитывали и то, что для обеспечения благоприятной атмосферы в период самостоятельной работы с учебной информацией все компоненты предъявляемой учебной информации, как лингвистические, так и экстралингвистические, должны быть понятны учащемуся, начинающему изучать неродной язык.

При таком подходе у нас появилась возможность быстро создавать иновариантны данных дидактических материалов, осуществляя перевод учебного материала на различные языки, которыми, как правило, владеют, приезжающие на обучение в нашу страну иностранцы.

В пособии каждый элемент учебной информации функционален. Каждая, даже мельчайшая деталь, несет в себе определенную информацию, пропуск которой создает информационный пробел, что, в свою очередь, способствует концентрации внимания и развитию памяти обучающегося. Например, если учащийся читает подпись к картинке, иллюстрирующей какой-либо фрагмент учебной ситуации, то он через некоторое время (которое требуется для привыкания к системе заданий и способу организации работы) понимает, что далее в уроке на основе этой информации будет строиться следующий фрагмент сюжета. Например, самый первый текст, как правило, сопровождающий рисунок, является ключевой фразой к последующему и содержит в себе новую минимальную лексико-грамматическую информацию. Первую ситуацию («Давайте познакомимся!») начинает иллюстрация с подписью к ней: «*Познакомьтесь. Это Виктор и его собака Лада*».

Так как обучающая система ориентирована на взрослых учащихся, для которых возможность зрительно-вербальной опоры играет немаловажную роль при восприятии новой информации, представление учебной информации начинается с текста для чтения. Следующая, после рисунка с подписью, порция учебного материала представлена в небольшом тексте-образце, расширяющим информацию об одном из главных героев всех ситуаций книги с рекомендацией ознакомиться с текстом, послушать его в записи, прочитать перевод к нему. Например:

Виктор – студент. Он учится в университете. Он живёт в Москве. У него есть собака.

Victor is a student. He studies in the University. He lives in Moscow. He has got a dog.

Сразу после текста следует рекомендация выполнить серию заданий, которые вынесены в специальный раздел. Разработанная нами система обучающих тестовых заданий выполняется без зрительной опоры на

текст-образец с целью активизации памяти и внимания. Таким образом создается прочная установка на внимательную работу с учебным материалом.

Каждый текст (их обычно 3) сопровождается системой тестовых заданий, которые обучаемый выполняет без зрительной опоры на предъявленный для ознакомления текст-образец.

Исходя из многолетнего наблюдения за ошибками, которые допускают иностранные учащиеся, мы постарались сконцентрировать внимание учащихся на тех моментах, которые, как правило, вызывают у них трудности. Например, серия заданий, которая поддерживает первый текст-образец, выглядит так:

1а. *Прочитайте слова похожие по написанию и произношению. Напишите номер того слова, которое вы видели в тексте.

1.	студень	1.	учится	1.	живот	1.	ест
2.	студент	2.	умница	2.	живёт	2.	есть
3.	ступень	3.	улица	3.	жилет	3.	если

1б. Прочитайте предложение из текста. Напишите номер предложения, которое передает ту же информацию на английском языке.

Виктор студент. – 1.Victor was a student. 2.Victor is a student. 3.Victor will be a student.

1в. Восстановите предложения из текста, выбрав соответствующее содержанию ситуации его продолжение.

Он учится… 1. в институте (in a callege)

2. в школе (at school)

3.в университете (at the University)

4. в техникуме (at a technical school)

1г. Расположите предложения в логической последовательности. Напишите номера предложений в соответствии с порядком их следования.

1.Он живет в Москве. 2. Виктор – студент. 3. У него есть собака. 4. Он учится в университете.

Таким образом, после обработки первого блока тестовых заданий в тетради каждого учащегося должна быть следующая запись номеров: 1а. 2, 1, 2, 2; 1б. 2; 1в 3; 1г. 2, 4, 1, 3.

(В аудитории, в целях экономии учебного времени, записывается цифровая информация. Дома, когда студент может работать в своем, подходящем только ему режиме, он заменяет номера на фразы, переписывая их из книги).

Проверка правильности заданий может осуществляться двумя способами: студент может сверить свои записи с ключами, данными в

* Цифра в нумерации заданий соответствует номеру, которым обозначен образец в учебном курсе.

специальном разделе в конце книги; если работа с учебным материалом проходит в аудитории, то, как правило, проверка правильности выполнения заданий проходит коллективно: один из студентов называет свои номера, а все другие сверяют свои записи.

Выполнив первый блок заданий, учащийся получает инструкцию вернуться обратно к презентационному циклу, где ему будет предложен следующий текст-образец.

Каждый следующий текст-образец обязательно включает новую порцию информации о ситуации. Задание к следующему тексту–образцу звучит следующим образом: «Прослушайте и прочитайте текст. Напишите номера фраз, которые содержат новую информацию о Викторе».

1.Виктор студент. 2. Он учится в Московском университете на историческом факультете. 3. Он живёт в Москве на Ленинском проспекте. 4. У него есть собака. 5. Её зовут Лада.

Victor is a student. He studies at the History Department of the University. He lives in Leninsky Prospekt in Moscow. He has got a dog. Her name is Lada.

Благодаря тому, что новый материал предстает в окружении старого, уже хорошо знакомого, он легко вычленяется и именно на нем фиксируется все внимание обучаемого.

Третий текст в этой серии заданий включает в себя наибольшее количество информации о первом главном герое ситуации.

1.Виктор студент. 2. Он учится в университете на историческом факультете на четвертом курсе. 3. Он живет в Москве на Ленинском проспекте. 4. У него есть собака. 5.Ее зовут Лада.

6. На Ленинском проспекте есть парк. 7. Виктор часто гуляет в этом парке.

Victor is a student. He is in his fourth year of the History Department of the University. He lives in Leninsky Prospekt in Moscow. He has a dog. Her name is Lada.

There is a park in Leninsky Prospekt. Victor often goes for a walk in this park.

В тетради соответственно студент должен записать: 2. 2, 6, 7.

После того, как учащийся обработает систему заданий к текстам-образцам, тренирующим навыки чтения, ему предлагается выполнить серию заданий, направленных на формирование навыков аудирования. Но предварительно он должен выполнить задание, подготавливающее его к восприятию новой информации со слуха, например, такое:

«Прочитайте предложения. Выберите из них те, которые содержат неверную информацию о Викторе».

1. Виктор живет в Москве на Пушкинской улице. 2. Он учится в университете на историческом факультете. 3. Он учится на четвертом курсе. 4. Виктор не студент. 5. У него есть собака. Ее зовут Лада. 6. Он

студент. 7. Виктор работает в библиотеке. 8. На Ленинском проспекте есть парк. 9. Виктор часто гуляет в парке на Ленинском проспекте. 10. Он живет в Москве на Ленинском проспекте.

Выбрав предложения, содержащие информацию (*Виктор живет в Москве на Пушкинской улице. Виктор не студент. Виктор работает в библиотеке.)*, не соответствующую той, которую он знает о герое ситуации, учащийся сосредотачивает свое внимание на новом, предъявленном в первый раз лексико-грамматическом материале, с которым он будет детально знакомиться на следующем этапе овладения речевой ситуацией, слушая рассказы о другом персонаже и выполняя задания к ним.

Итак, система заданий следующего этапа, как видно из вышесказанного, направлена на формирование навыков аудирования. Работа с учебным материалом, тренирующим навыки слушания, проходит фактически на том же грамматическом, но на другом лексическом материале, что создает максимально благоприятные условия для восприятия информации, поступающей из устных источников.

Сначала учащиеся читают подпись под рисунком, на котором изображены знакомящиеся главные герои (у нас Вера и Виктор). Затем они получают инструкцию выполнить серию заданий, в процессе обработки которых они получат новую информацию о ситуации.

Учащиеся прослушивают в записи минимальную информацию о другом главном персонаже (*Вера тоже живёт в Москве. Она не студентка. Она работает в библиотеке»)* и выбирают из ряда предложенных фраз ответ на вопрос «Где работает Вера?» (варианты ответов для выбора: *1. Вера работает в гостинице. 2. Вера работает в университете. 3. Вера работает в библиотеке. 4. Вера работает в поликлинике.).*

Затем следует задание на нахождение адекватного перевода к следующим предложениям:

1.Он студент	1. She is a student.
2. Она студентка.	2. She is not a student.
3.Он не студент.	3. He is a student.
4.Она не студентка	4. He is not a student.

(Студент сначала должен записать: 1 – 3, 2 – 1, 3 – 4, 4 – 2; потом – 4).

В этом задании внимание иностранных учащихся концентрируется на синтаксической структуре, в которой, как правило, допускается ошибка типа: «Он *нет* студент».

Далее в следующем задании после прослушивания второго текста *(Вера тоже живёт в Москве. Она не студентка. Она работает в библиотеке на Ленинском проспекте. Она тоже часто гуляет в парке на Ленинском проспекте.)* учащийся должен выбрать из ряда предложений (*1. Вера тоже живет в Москве на Ленинском проспекте. 2. Вера работает в библиотеке на Ленинском проспекте.)* то, которое он слышал в тексте.

В третьем тексте *(«Вера тоже живёт в Москве. Она не студентка. Она работает в библиотеке на Ленинском проспекте. Она тоже часто гуляет в парке на Ленинском проспекте. Вера и Виктор познакомились в этом парке».)* есть ответ на вопрос: «Где познакомились Вера и Виктор?», который учащийся должен выбрать из ряда предложенных вариантов *(1. Вера и Виктор познакомились в университете. 2. Вера и Виктор познакомились в библиотеке. 3. Вера и Виктор познакомились в этом парке. 4. Вера и Виктор познакомились в парке на Ленинском проспекте. 5. Вера и Виктор познакомились на Ленинском проспекте.)* есть предложение из текста, которое не может служить ответом (3), хотя эта фраза и звучала в тексте, и если учащийся выбирает этот вариант, значит он подходит к выполнению задания чисто автоматически или же невнимательно прочитал все предлагаемые ему варианты предложений.

В последнем задании в этом блоке предлагается найти продолжение сложным фразам с союзом «потому что», которые являются ответами на предложенные вопросы:

1. *Почему Виктор часто гуляет в парке на Ленинском проспекте?*
2. *Почему Вера часто гуляет в парке на Ленинском проспекте?*

1. *Виктор часто гуляет в парке на Ленинском проспекте,…*
2. *Вера часто гуляет в парке на Ленинском проспекте,…*

1. *…потому что он учится на Ленинском проспекте.*
2. *…потому что она учится на Ленинском проспекте.*
3. *… потому что он живет на Ленинском проспекте.*
4. *… потому что она живет на Ленинском проспекте.*
5. *… потому что он работает на Ленинском проспекте.*
6. *….потому что она работает на Ленинском проспекте.*

После выполнения серии заданий к текстам монологического характера учащийся переходит к заключительному этапу по учебному пособию: к работе с системой заданий, направленных на формирование навыков общения, говорения на ту или иную тему.

Диалоги (полилоги), в которых знакомый по предыдущим этапам лексико-грамматический учебный материал предстает в диалогах или полилогах. Они, как правило, предваряются одним или несколькими рисунками, сопровождаемыми ключевыми фразами, которые необходимо прочитать, ознакомиться с их переводом перед тем как перейти непосредственно к выполнению заданий.

С первыми текстами-образцами диалогического характера учащийся знакомится в результате прочтения их на русском языке и на языке-посреднике, а также прослушивания его в записи. Если первые диалоги (полилоги) предъявляются со зрительной опорой и с переводом, то заключительные воспринимаются учащимися только со слуха, так как он выполняет контролирующую функцию.

Все диалоги (полилоги) также сопровождаются соответствующей системой упражнений, способствующих формированию ритмико-интонационных навыков и умений, речевых образцов, характерных для данного вида речи. Причем, первые три задания, следующие сразу после прослушивания диалога, типичны. Например, инструкции к первым трем упражнениям звучат так:

6а. Слушайте реплику из диалога. Затем слушайте пару слов, похожих по произношению. Запишите, какое слово вы слышали в реплике 1 или 2.

Звучит реплика из диалога: «Какая красивая собака!», затем слова: красивая, красивое. Учащийся должен написать цифру, обозначающую номер слова, которое он слышал во фразе. Здесь – 1. Затем звучит вторая реплика: «Как тебя зовут?» и слова: тебя, тебе и т.д.

Инструкция ко второму заданию такова: «Слушайте реплику из диалога. Повторите ее. Запишите в тетради знаки препинания, которые должны стоять в конце услышанных реплик (. ! ?).» Опять звучат фразы, произносимые участниками диалога, которые учащиеся повторяют, а затем фиксируют в тетради соответствующие знаки препинания.

Следующее задание в этом блоке: «Слушайте реплику из диалога. Повторите ее. Определите, имя автора реплики. Запишите имена в порядке следования фраз».

Если реплики к первым двум заданиям произносятся голосами участников ситуации, то реплики к третьему заданию, в соответствии с целью задания, произносятся голосом одного и того же диктора. Учащиеся должны узнать по содержанию реплики, кому они принадлежат.

Далее, после выполнения первых трех заданий (к способу выполнения которых учащиеся так привыкают, что сразу после прослушивания очередного диалога они автоматически берут в руки ручки, открывают тетради и выполняют их без лишнего напоминания со стороны преподавателя), учащиеся выполняют серию заданий, направленных на отработку собственно лексико-грамматического материала, представленного в диалоге-образце.

Последние задания в системе упражнений к диалогам также представляют собой блок типичных ко всем диалогам заданий: «Восстановите диалог. В паузы произнесите реплики Виктора», следующее: «Восстановите диалог. В паузы произнесите реплики Веры» и т.п. Таким образом учащиеся неоднократно, в зависимости от количества участников общения, имеют возможность прослушать образцы звучания русской речи и поучаствовать в общении в качестве одного из героев ситуации.

К сожалению, в силу ограниченности объема статьи, невозможно подробно описать весь блок заданий, которые учащиеся выполняют вслед за знакомством с текстом-образцом. Но в них так же как и в процессе выполнения заданий предыдущего этапа, требуется внимательно слушать, внимательно читать, запоминать, анализировать, выбирать возможные

варианты оформления простых и сложных синтаксических конструкций и затем делать выводы, которые потом обсуждаются в процессе совместной коллективной работы под руководством преподавателя.

Результаты обучения показывают, что разработанный нами способ организации и пути освоения учебной информации дают 100% запоминание необходимой (как минимальной, так и максимально представленной) учебной информации.

Примечания

1. Бизнес-контакт: Тесты по русскому как иностранному для делового общения. /Авторский коллектив под руководством Л.С. Журавлевой. М., 1996.
2. Лингвистические и лингводидактические основы обучения русскому языку как иностранному. Сб. статей. М., 1997.
3. Аношкина Л.К. Методические рекомендации по определению уровня подготовки студентов к изучению русского языка как иностранного на подготовительном факультете. М., 1987.

М.А. Грачев

ТАТУИРОВКИ ДЕКЛАССИРОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Слово "татуировка" пришло в русский язык из французского языка (франц. tatouer), но языком-источником явился полинезийский язык. [1]. На факт заимствования из полинезийского языка (полинез. слово tatauy) указывают составители Малого энциклопедического словаря и некоторые криминалисты. [2] Например, Л. Мильяненков утверждает, что "слово "татуировка" происходит от полинезийского "тату", что означает "рисунок" или от "ТИКИ" - имени полинезийского бога, по преданию явившего татуировку миру" [3]. Другие исследователи считают, что лексема "татуировка" произошла от явайского корня "тау", соответствующего полинезийскому "тату" и переводящегося как "рана", "раненый". [4].

Источником материала для данной статьи послужил ряд работ криминалистов и юристов по данной проблеме [2, 4, 5, 6, 7, 8], а также наши ранние работы [9,10] и личная картотека и альбом автора.

До сих пор татуировки деклассированных элементов оставались вне поля зрения лингвистов. Имеются лишь немногочисленные высказывания о важности и актуальности их изучения. Они были объектом изучения криминалистов, литераторов, психологов, хотя и там изучение шло, в основном, на описательном на уровне. "Вряд ли какой -либо другой области в криминалистике, - пишет Л. Мильяненков, - было уделено так мало внимания, как изучению символики татуировок у судимых за уголовные преступления". [3].

По ряду причин русское языкознание до сих пор не обращало внимание на татуировки: трудность в сборе материала, "закрытость" данной темы для исследования, отношение к ним как к "недостойному" предмету изучения и др.

В чём представляется интерес изучения татуировки для лингвиста? Татуировка - это, своего рода, пиктографическое письмо. Некоторые лингвисты считают, что "воровские татуировки представляют собой своеобразную графическую систему", которая называется "пиктографически-идеографической". [11]. Татуировки-аббревиатуры и татуировки-высказывания - часть русского языка - должны быть изучены, иначе знание русского языка будет неполным без них. Их исследование может дать дополнительные сведения для развития письма в целом. Кроме того, они помогут пролить свет на различные стороны жизни преступников, в частности, на ментальность русских деклассированных элементов. Восстановление истории татуировок деклассированных элементов поможет определить многие аспекты их мировоззрения. Например, отношение криминального мира к религии. Известно, что религиозная тематика занимает большое место среди татуировок. Она появилась в 30-х годах XX в., когда возникла элита уголовного криминалитета - воры в законе. Изначально признаком вора в законе были крест с ангелом(ами), выколотый на груди. Количество куполов на храме обозначало число лет, проведённых в ИТУ. Нередко заключённые наносят на тело татуировки в виде Богородицы с младенцем и Святого семейства; изображение Бога на небе с крестом в руках обозначает воровской оберег ("спаси от легавых и суда"). Данный разряд татуировок - ещё и символ "святости воровского дела". "Вовлечение Бога в соучастники преступлений - это не кощунство для преступника, а вера в то, что высшая сила (Бог, Совесть), не должна осуждать его, он верит в своё "правое" дело. [12].

Татуировки-высказывания, татуировки-изображения и арготизмы тесно связаны между собой . Например, высказывание- татуировка: "было счастье - чёрт украл" может иметь аналог - рисунок с изображением чёрта с мешком за плечами (в котором находится счастье преступника!). Но здесь наблюдается соотнесение с арго : чёрт - "следователь", мешок - "ИТУ", швы на заплате - годы лишения свободы, который провёл (проведёт) преступник.

Отдельные исследователи татуировок русских деклассированных элементов относят их появление к рубежу XVII-XVIII вв. [7], хотя конкретных доказательств не представляют.

По мнению некоторых криминалистов, татуировки были присущи русским преступникам уже во второй половине XVIII в. Нередко в этом случае ссылаются на А.С. Пушкина [4], см. отрывок из его повести "Капитанская дочка": А в бане показывал (Пугачёв – М.Г.) царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орёл, величиной с пятак, а на другой персона его." [13] Это может косвенно подтверждать, что россияне уже в

XVIII в. знали о татуировках, хотя сотрудниками правоохранительных органов того времени они не собирались и не исследовались. Что касается "царских знаков" Е. И. Пугачёва, то они не являлись татуировками, а были "родимыми пятнами". Доказательством этого является утверждение… самого А.С. Пушкина, см. "История Пугачёва", приметы "вождя крестьянской войны: "… на обеих грудях, назад тому третий год, были провалы…" [14], т.е. своеобразные дефекты тела, но не татуировки.

Практически ничего не говорится о татуировках деклассированных элементах в художественной литературе конца XVIII-XIX вв. В справочной литературе нач. XX в. указывается, что татуировки характерны для негров, японцев, некоторых религиозных сект и ничего – о татуировках деклассированных элементов [2]. Криминалисты отмечали тот факт, что профессиональные уголовники конца XIX-нач.XX вв. в большинстве своём избегали татуироваться, чтобы не создать лишнюю улику [3]. В целом же у деклассированных элементов этого периода они имели следующий вид: имена собственные, якоря, целующиеся голубки и некоторые другие художественные рисунки. [15].

Фактически настоящее изучение татуировок началось в 20-х годах XXв.

Русские татуировки деклассированных элементов прошли путь от пиктографического до идеографического письма [11], т.е. до своеобразных высказываний и аббревиатур. Заметим, что объём материала, куда наносятся татуировки, ограничен. Известно, что изначально татуировки в России были присущи только деклассированным элементам и морякам [7]. По косвенным данным (в разговорах с учёными-криминалистами, см. также художественное произведение Л.П. Нагорного и Г. П. Рябова "Повесть об уголовном розыске")[16] татуировки (как отличительный и опознавательный знак) накалывали себе и полицейские. У бойцов Красной Армии татуировки отсутствовали. Любопытно, что среди солдат итальянской армии в XIX в. было 45% татуированных, тогда как среди преступников - всего лишь семь процентов. [17]. Говоря о татуировках в современной армии, следует отметить, что солдаты, воспринимая романтику профессиональных преступников, нередко наносят воровские татуировки. Из специфически солдатских можно отметить татуировки, изображающие парашют (принадлежность к военно-десантным войскам, группу крови, резус-фактор, из аббревиатур - ЗГВ - "западная группа войск" (до 1991 г.) и др.

Криминалисты вначале использовали татуировки в основном, для идентификации и опознания. В первые годы Советской власти была даже введена обязательная регистрация татуировок криминогенного контингента [3].

Как считает юрист А.И Гуров, в настоящее время "татуировки не играют той коммуникативной роли, которая отводилась им до начала 70-х годов" [19]. Это утверждение нуждается в расшифровке. Действительно, татуировки-изображения с 30-х по 70-е годы XX в. были достаточно

устойчивы. Позднее они теряют свою устойчивость. Это было связано прежде всего с сильными позициями элиты преступного мира - "воров в законе", когда за татуировку, не соответствующую действительности, её обладатель мог поплатиться даже жизнью.

В 70-е годы, когда начинается размывание "воровской идеи", ряд татуировок теряет свой первоначальный смысл, особенно это касается татуировок-рисунков. В современных татуировках по их соответствию действительности можно выделить ряд устойчивых групп:

1.Татуировки, свидетельствующие от отбывании наказания в ИТУ: четыре точки, напоминающие квадрат, внутри них ещё одна точка; колючая проволока.

2. Татуировки наркоманов: паук в паутине - "наркоман", изображение джина, курящего гашиш - "курильщик гашиша".

3. Татуировки, которые накалываются насильно: синяк под глазом, точки около губ, корона вора в законе, выколотая на спине - все они обозначают "опущенных" - низшую касту криминального мира.

5. Татуировки-аббревиатуры.

6. Татуировки-высказывания.

Как утверждает криминалист Л. Мильяненков, в настоящее время особое внимание следует обращать на лиц, имеющих следующие татуированные изображения: череп, корона - символы стремящихся к власти; тигр или другой хищник - ярость, непримиримость; кинжал, нож, меч, топор - месть, угроза, твёрдость, жестокость; ключ - сохранение тайны; палач - чти закон воров; Мадонна - отчуждённость, факел - дружба, братство; звёзды - непокорность. [3].

В ходе анализа выяснилось, что татуировки русских уголовников формировались во время всевластия в преступном мире воров в законе. Именно в ранних татуировках отсутствуют политические мотивы (воры в законе не должны были иметь никаких контактов с официальной властью: не выступать свидетелем на суде, не выполнять общественной работы, не служить в армии и проч.). При размывании "воровской идеи" (конец 70-х годов XX в.) в татуировках появляются политические мотивы. Особенно много "политических" татуировок появилось в конце 80-х-нач. 90-х гг. XX в. Чаще всего это рисунки с изображением К. Маркса, В.И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, И. В. Сталина, Л. И. Брежнева в виде чертей или вампиров; татуировки, изображающие карту СССР, опоясанную по границе колючей проволокой или черепа на ней. Примеры из политических высказываний-татуировок (чаще всего накалываются на ногах): КПСС приведёт всех в могилу; они тащат меня под конвоем в рабство - ГУЛАГ МВД СССР; они устали от долгого пути в светлое будущее - коммунизм; ВКПб - всероссийское крепостное право большевиков. Несомненно, такие татуировки стали возможны лишь во время "перестройки" и "гласности". Именно тогда профессиональные уголовники, почувствовав себя "борцами"

против существующего режима, стали наносить себе политические татуировки.

В основном, татуировки деклассированных элементов выполняют следующие функции: опознавательную, мировоззренческую, конспиративную, номинативную функцию бравады и устрашения. ("Чем больше татуировок - тем больше меня будут бояться новички-заключённые и законопослушные люди", - так порой отвечает на вопрос о множественности татуировок часть осуждённых). Как видим, функции татуировок во многом схожи с функциями в арго. Однако на первых местах в системе татуировок стоят опознавательная функция и функция бравады, тогда как в арго - номинативная и мировоззренческая функцияи.

Татуировки уголовники, в зависимости от их назначения, наносят на различные участки тела. Например, те татуировки, которые накалываются насильно, располагаются на спине, на лице и на пальцах (так называемое "подлое кольцо"). Их владельцами обычно являются заключённые, принадлежащие к низшим кастам осуждённых. На видных местах накалывают татуировки наркоманы, чтобы опознать себе подобных, а также воры в законе. Есть татуировки, которые накалываются под мышкой - например, изображение свастики со значением "ненавижу Советскую власть".

В последнее время большое распространение среди осуждённых получили татуировки-высказывания. Среди них имеются:

1. Собственно воровские татуировки, подразделяющиеся, в свою очередь, на татуировки, в которых отсутствую арготизмы (см. примеры: закон - тайга, медведь - хозяин, умри ты сегодня, а я - завтра; они устали ходить под конвоем; не верь, не бойся, не проси), и татуировки, в которых используются блатные слова (см. примеры: недолго музыка играла - недолго фрайер (жертва преступления – М.Г.) танцевал; амур - мой кирюха (друг – М.Г.); дави делашей, стукачей и сук (убивай предпринимателей, работников торговли, доносчиков и предателей преступников; спаси от лягавых и суда).

2. Татуировки-афоризмы, не носящие криминального характера. Они, в свою очередь, делятся на татуировки, взятые из литературных произведений, в частности, из стихов С. Есенина ("умру бродягою и вором", "как мало пройдено дорог - как много сделано ошибок"), из Евангелия а также придуманные в криминальной среде (кто не без греха; дайте в юность обратный билет - я сполна заплатил за дорогу; работа - ты меня не бойся - я тебя не трону; Боже, я помню, что у меня есть мать; работает круглосуточно (татуируется на животе).

3. Татуировки- высказывания, заимствованные из других языков: латинского (faciam ut mei mtmineris (сделаю так, чтобы ты обо мне помнил); contra spem spero (без надежды надеюсь); homo homini lupus est (человек человеку волк); итальянского (cercando il vero (ищу истину), guai chi tocca (горе тому, кто её коснётся), sono nato libero - e voglio morire Libero (я

родился свободным - и хочу умереть свободным); английского (battle of life (борьба за жизнь); help yourself (помогай сам себе); немецкого (leben und leben lassen (живи и жить давай другим), Wein, Weib und Gesang (вино, женщины, песни), du sollst nicht erst den Schlag erwarten (не жди, пока тебя ударят); французского: Dieu et liberte' (Бог и свобода), la bourse ou la via (кошелёк или жизнь), tous les moyens sotn bons (все средства хороши).

Как видно из примеров, татуировки-высказывания чётко отражают ментальность деклассированных элементов: их запросы, устремления, привычки и жизненное кредо.

Без знания арго, без знания татуировок-высказываний невозможно изучить аббревиатуры-татуировки, так как они содержат в себе зашифрованную воровскую "мудрость", афоризмы.

Аббревиатуры-татуировки - эта "письменная" разновидность арго - получили своё широкое распространение в 60-90-х годах нашего столетия. Преимущественно их наносят на тело мужчины, хотя имеются и чисто женские аббревиатуры-татуировки. Если для части мужских аббревиатур-татуировок характерно обозначение агрессии, то в женских она отсутствует. Женские татуировки обозначают, в основном, любовь, причём как к мужчине, так и лесбийскую, см. примеры: ГИТЛЕР - "где искать тебя, любимый(ая), если разлучат?", ЛИМОН - "любить и мучаться одной надоело", ЯХОНТ - "Я хочу одного тебя", ТОМСК - "Ты один моего сердца коснулся", ТУАЛЕТ - " ты ушёл, а любовь ещё тлеет".

Все сокращения делятся на буквенные и звуковые. Примеры буквенных татуировок: ВЛКСМ - "возьми лопату и копай себе могилу", НМНК - "нам менты не кенты". Нередко аббревиатуре-татуировке соответствует рисунок-татуировка (например, аббревиатура-татуировка КОТ - "коренной обитатель тюрьмы" иногда заменяется изображением кота, изображение В.И. Ленина имеет криптолалическое значение: Вождь Октябрьской Революции (ВОР).

Аббревиатуры-татуировки, в основном, обозначают: а) клятвы и заверения в любви: КЛЁН - "клянусь любить её навеки", ЛОТОС - "люблю одн(у)ого тебя очень сильно", б) разряды преступников и заключённых: ЮГ - "юный грабитель", ТУЗ - "тюремный узник", в) воровскую "мудрость": БОГ - "будь осторожен, грабитель", ТИГР - "тюрьма - игрушка", ТУЗ - "тюрьма, учи закону", г) угрозы в адрес правоохранительных органов и предателей: БАРС - "бей актив - режь сук (предателей профессиональных преступников – М.Г.), СС - "смерть сукам (стукачам – М.Г.)", ЗЛО - "за всё легавым (сотрудникам правоохранительных органов – М.Г.) отомщу", СЛИЧЖВР - "смерть легавым и чекистам, жизнь ворам-рецидивистам", ИРА - "ищи, режь актив", д) реалии, связанные со свободой: БЛИЦС - "береги любовь и цени свободу", ЛТВ - "люби, товарищ волю".

Нередко сокращения расшифровываются как обобщённо-личные, определённо-личные и номинативные предложения: НЕВМ - "не верь

мужчинам", ЛОРД - "люблю один родимый дом", ЖУК - "желаю удачной кражи", ЛИС - "любовь и слёзы", ОМСК - "отдалённая местность сибирской каторги", ЛТВ - "люблю тихо воровать", ЛЕС - "люблю её сильно".

Среди аббревиатур-татуировок имеется большой процент многозначных сокращений: СЛОН - 1. смерть легавым - они не уйдут, 2. смерть легавым от ножа, 3. соловецкий лагерь особого назначения; БОГ - 1. был осуждён государством. 2. буду опять грабить. 3. будь осторожен, грабитель. Причём некоторые из них могут расшифровываться как в прямом, так и в обратном порядке: ТИГР - "товарищи, идёмте грабить ресторан", в обратном порядке: "ресторан ограблен - идёмте тихариться (прятаться, скрываться – М.Г.)"), КОТ - "кто он такой?", в обратном порядке: "теперь он колонист".

15% сокращений составляют зоонимы и фитонимы: БАРС, КОТ, ПИНГВИН – "прости и не грусти - виноватого искать не надо", КЛЁН – "клянусь любить её навеки", ЖУК – "желание удачной кражи", ЛИСТ, ЛЕВ – "люблю её вечно", ВОЛК - "вору отдышка - легавым крышка" и др.

При расшифровке ряда аббревиатур используются арготические слова: ЗЛОБО - "за всё *легавым* очень больно отомщу", ИРА - "иду резать *актив*", СЧАК - "*суки* - часто активисты", СЛЖБ - "смерть *легавым* - жизнь *блатным*".

В последнее время (конец 80-х-90-е годы) среди преступного сообщества получили распространение так называемые сложные татуировки, например: НЕБО-ЗЯВР - "не грусти, если будешь одна, знай - я всегда рядом", ИРКА -ЕНТР - "и разлука кажется адом, если нет тебя рядом", АМУР-ТНМН - "ангел мой ушёл рано - так начались мои несчастья", КИС-Б-Т - "как истосковалось сердце без тебя", КЛИН-ОБОЗ - "как люблю и ненавижу - один Бог об этом знает", УЗ: ВУСК.- "узник зон: Воркуты, Урала, Сибири, Колымы".

Опросы представителей криминогенных групп показывают, что аббревиатуры-татуировки не несут в себе какого-либо тайного смысла и наносятся исключительно для бравады, а также являются стремлением выразить своё "Я", тем более, что они не имеют адресата и нередко обращены на самого же владельца. Однако выделяется группа аббревиатур-татуировок , для которых присущ опознавательный (тайный) характер, благодаря им наркоманы узнают друг друга, что приводит их к консолидации в местах лишения свободы (например, ТОН - "тайное общество наркоманов" (иногда добавляется буква "Я" - "я его член"), РИСК - "родные, идите скорее кумариться (употреблять наркотики для снятия абстинентного синдрома –М.Г.)"). Часто в них содержится информация о приверженности или отвращении к конкретному наркотику (например, НОНА - "наркоман; очень нужна анаша", НИНА - "не был и не буду анашистом" - омоним к общеуголовной татуировке - "не был и не буду активистом", МИЛА - "мои интересы - люблю абшабиться" (правильнее

обшабиться, т.к. данная лексема образована от арготизма *шабить* "употреблять гашиш" - А), ПИСК - "пошёл искать себе *кукнар* (наркотик, приготовленный из мака).

Большинство аббревиатур-татуировок отражают мировоззрение и психологию заключённого, степень его авторитета в среде преступного мира.

Татуировки являются достаточно устойчивым элементом субкультуры преступного мира. Вот данные криминалистов: 45% осуждённых наносят татуировки на тело во время первой судимости. После второй судимости этот показатель достигает 75 %, после третьей - 89%. [10]. Большинство рисунков, указывающих на кастовость преступника, принадлежность его к определённой группировке, накалываются после второй судимости.

Это объясняется тем, что в большинстве своём татуировки наносятся под влиянием воровской романтики, позиции которой очень сильны не только среди правонарушителей, но и среди законопослушного населения.

В настоящее время перед лингвистами стоят следующие задачи:

1. Воссоздать и описать татуировки деклассированных элементов.
2. Проследить путь воровской татуировки в зависимости от развития криминогенных сообществ, в частности, "воров в законе".
3. Определить отражение в татуировках черт мировоззрения деклассированных элементов.

Примечания

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2000.
2. Малый энциклопедический словарь: Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон. М., 1994. Т.I-IV.
3. Мильяненков Л.А. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. – СПб., 1992.
4. Дубягин Ю. П. Происхождение и смысловые значения татуировок // Сыщик России, 1991.
5. Дубягин Ю.П.., Теплицкий Е.А. Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона = Concise English-Russian and Russian- English of the underworld. М., 1993.
6. Конев А.А., Парилов О.В. Смысл и значение зашифрованной в аббревиатуру татуировки: Лекция. Нижний Новгород, 1995.
7. Кучинский А.В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычаи, язык, татуировки: Энциклопедия. Д.,1998.
8. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М., 1992.
9. Грачёв М.А. Аббревиатуры-татуировки деклассированных элементов как лингвистический объект исследования // Виноградовские чтения: Прагматические аспекты грамматической и лексической семантики: Тезисы докладов научной конференции (2 февраля 2000 года). М., 2000.
10. Грачёв М.А. Жаргон и татуировки наркоманов: Краткий словарь-справочник. - Нижний Новгород, 1996.
11. Шарандина Н.Н. Арготическая лексика в функциональном аспекте. Автореф. дис... канд. филол. наук. /Тамбов, 2000.
12. Грачёв М.А. Русское арго: Монография. Н. Новгород, 1997.
13. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Собр. соч..: В 3 т. М., 1987. Т.3.
14. Пушкин А.С. История Пугачёва. Горький, 1988.
15. Брейтман Г.Н. Преступный мир: Очерки из быта профессиональных преступников. Киев, 1901.

16. Нагорный Л.П., Рябов Г.Т. Повесть об уголовном розыске. Тула, 1984.
17. Словарь воровского языка: Слова, выражения, жесты, татуировки. Тюмень, 1991.
18. Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступлениях. СПб, 1892.
19. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.

Г.В. Глинских

АРГОТИЗМ *БИКСА*
(к вопросу о происхождении)

Слово *бикса* с достаточно разнообразным, хотя и вполне ограниченным спектром значений в русском арго является одним из общеизвестных. Практически все арготические словари, как краткие, так и претендующие на полноту, включают его в свой состав. Впервые оно зафиксировано в словаре, составленном С.М. Потаповым и изданном в 1927 г., со значением ‘проститутка, женщина’[1]. Последующие словари, появившиеся значительно позднее, помещают данное слово со значениями ‘проститутка’ [2,3,4,5,6,7,8], ‘любовница (вар.: любовница, сожительница преступника)’ [6,8,9,10], ‘женщина, девушка легкого поведения’ [3,8,11,12,13], ‘женщина, девушка (вар.: красивая девушка; женщина, пользующаяся уважением в преступном мире)’ [2,5,8,14]. Вариативность значения не должна удивлять, учитывая ненормативный характер арготической речи. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и возможность неточной интерпретации значения авторами словарей: подчас оно устанавливается исходя из контекста источника, а этот контекст далеко не всегда опирается на концептуальную компоненту значения.

Слово *бикса* представлено и в областных словарях. Академический «Словарь русских народных говоров» приводит его в значении ‘проститутка’ с пометой «донское» и указанием даты фиксации - 1929 г. [15]. В этом же словаре приводится дериват от данного слова - *биксёрка*, со значением ‘девушка, женщина, за которой кто-либо ухаживает, с которой кто-либо проводит время’. В последнем примере слово имеет помету «Средний Урал» и дату фиксации - 1963 г. [15]. Думается, что диалектный статус данных фиксаций нуждается в дополнительном подтверждении. Во всяком случае, в многотомном «Словаре русских говоров Среднего Урала» данное слово не представлено [16,17].

Что же касается арго, то, как уже было отмечено, слово *бикса* устойчиво входит в состав арготических словарей. В тех изданиях, где указывается ударение, оно регулярно отмечается на первом слоге. Дериватов в составе арго слово не имеет. Вместе с тем засвидетельствованы два

фонетических варианта: один - с оглушенным первым согласным - *пикса* [6], другой - с измененным гласным первого слога - *быкса* [15,36]. Вероятно, оба варианта обусловлены народной этимологией (сближение со словами *пикать*[*] и *бык*), поскольку четко осознаваемой внутренней формы в русском языке слово не имеет.

Происхождение слова уже рассматривалось исследователями. Распространение получило сопоставление с тюркским *bik, bike* 'дама, госпожа', помещаемое обычно со ссылкой на работу [5] Н.К. Дмитриева «Турецкие элементы в русских арго» [19] или без ссылки [14, 20]. Можно констатировать, что тюркские слова, с которыми предлагается связать происхождение рассматриваемого арготизма, имеют с ним общее фонетическое сходство и соотносительны с ним по значению. Тем не менее при ближайшем рассмотрении приведенной интерпретации возникает целый ряд вопросов, ответить на которые в рамках данного объяснения весьма затруднительно.

Прежде всего отметим, что в составе слова *бикса* остается необъясненным элемент *с*, который отсутствовал в предполагаемом тюркском источнике. Предположение, что этот элемент появился на русской почве, не имеет достаточных оснований: в русском языке не засвидетельствованы слова, образованные от заимствований с помощью суффикса (?) *с*. Все слова, имеющие в своем исходе *–кса*, либо передают звучание, имевшее место в языке-источнике (например, заимствованные из немецкого *вакса, клякса* и др. [21]), либо образованы от русских корней, соотносительных с глаголами (*плакса*). Еще одно соображение, касающееся фонетического аспекта, относится к акцентологическому оформлению слова. Дело в том, что слово *бикса* во всех словарях приводится с устойчивым ударением на первом слоге. Между тем в тюркских языках двусложные слова имеют ударение как правило на последнем слоге [22].

В связи с тем, что версия о происхождении слова в результате заимствования не имеет убедительной аргументации, есть смысл обратиться к возможности объяснения на русской почве.

«Русская грамматика-80» отмечает, что в русском языке при образовании имен существительных могут быть выделены небольшие группы существительных (от двух до трех слов), представляющие собой непродуктивные словообразовательные типы. Среди этих групп выделяются, в частности, три слова, образованные с помощью словообразовательного форманта *–с(а): плакать - плакса, хныкать - хныкса, кричать - крикса* [23]. Обращает на себя внимание тот факт, что в мотивирующей основе может выступать как *к*, (*плакать, хныкать*), так и *ч* (*кричать*), в то время как в производном слове - только *к*. Таким образом, если попытаться определить формальное соответствие производной и производящей основ, то оно,

---

[*] Отметим, что в диалектах встречается слово *пикся* в значении 'плаксивый ребенок, плакса'[19]

согласно приведенным примерам, представлено как *...кать ~...кса* или *...чать ~...кса.*

Таким образом, если считать существительное *бикса* образованным на русской почве, то ему должны соответствовать глаголы **бикать* или **бичать.* Таких глаголов нет ни в литературном языке, ни в диалектах. Тем не менее отсутствие фиксаций таких глаголов, во-первых, не означает, что их и не было, а во-вторых, отнюдь не отменяет возможности рассматривать слово *бикса* как образованное на русской почве, хотя, конечно, проблема несколько осложняется.

Прежде всего следует иметь в виду, что основы на *–кса* могли соотноситься не только с глаголами, но и с существительными. Следовательно, приведенные три слова могут рассматриваться и как соотносительные с производящими существительными в таких парах: *плач~плакса, крик~крикса, хнык* (засвидетельствовано в словаре В.И. Даля) *~ хныкса.* Учитывая непродуктивность данного словообразовательного типа, крайне трудно утверждать определенно, какая же производящая основа выступает в данных случаях: именная или глагольная. Если принять, что слово *бикса* также некогда входило в этот ряд, то для него должны быть реконструированы такие пути словопроизводства: **бик~бикса* или **бич~бикса.*

Итак, если рассматривать слово *бикса* как образованное на русской почве с помощью словообразовательного форманта русского языка, то представляются возможными следующие пути для объяснения его происхождения (пока речь идет только о формальной стороне, семантический аспект будет рассмотрен ниже):

1) Отглагольное словообразование. Модель: *плакать~плакса, кричать~крикса, хныкать~хныкса.*

2) Отыменное словообразование. Модель: *плач~плакса, крик~крикса, хныкс~хныкса, *бик(?)/*бич~бикса.*

Какую бы модель ни избрать, с неизбежностью придется решать вопрос о происхождении и значении мотивирующего компонента **бик* или **бич.* Вариант **бик* на русской почве не может быть интерпретирован, поэтому не случайно исследователи, занимавшиеся происхождением данного слова, пытались объяснить его как заимствование.

Совсем иначе обстоит дело, если в качестве мотивирующего компонента привлечь вариант **бич.* Объяснительная сила этого варианта в формальном отношении не уступает другому варианту (то есть *бич~бикса* столь же вероятно, сколь и **бик~бикса*). При этом компонент **бич* может быть совершенно определенно соотнесен с лексикой русского языка, хотя, конечно, необходима аргументация для обоснования семантической производности.

На первый взгляд значения слов *бич* и *бикса* не имеют между собой абсолютно ничего общего, и их формальное сходство носит случайный характер. С этим вполне можно согласиться, если иметь в виду только то основное значение, с которым слово *бич* выступает в современном русском литературном языке: ‘длинная плеть, кнут из мелко свитых ремней, веревок’ [21]. Между тем в диалектных словарях слово встречается и с другим значением: ‘в дореволюционной России - работа в качестве кучера на ямских лошадях; ямщина’ [15].

Укажем и на другой источник, в котором также представлен фрагмент *бич* и который также может представлять для нас интерес в данном случае,- это слово *бичевать* со значением ‘тянуть судно бичевою’ [24]. Считаем необходимым обратить внимание на то, что значения, приведенные для обоих слов, соотносятся с работой, связанной с дорогой и транспортом. Оставляя в стороне проблему наличия связи между *бич* и *бичевать*, отметим, что оба эти слова обнаруживают формальную соотнесенность с *бикса*, хотя семантическая производность по-прежнему требует дополнительной аргументации, к изложению которой мы и приступаем.

Для уточнения значения слова *бикса* имеет смысл обратиться к употреблению его в составе устойчивых сочетаний. Как известно, значения, приводимые в словарях, далеко не всегда описывают лексическую семантику с исчерпывающей полнотой, поэтому анализ контекстуального окружения может помочь выявить те или иные элементы значения.

В нашем случае представляет интерес тот факт, что слово *бикса* очень часто употребляется в сочетаниях со словами, обозначающими реалии, связанные с транспортом: *бикса бановая* (‘вокзальная’) [3,5,6], *бикса майданная* (‘разъезжающая в поездах’) [6,13], *бикса шоферская* (‘промышляющая вместе с помощником-таксистом’) [6]. Конструкции, в которых слово *бикса* выступает с приведенными определениями, можно было бы считать обычными свободными словосочетаниями, однако воспроизводимость их указывает на устойчивую связь значения слова *бикса* со сферой семантики, относящейся к дороге и транспорту. Более того, со значительной долей уверенности можно утверждать, что сема ‘наличие отношения к транспорту’ в значении слова *бикса* может считаться дифференциальной среди арготических единиц со значением ‘женщина; женщина легкого поведения’. В качестве обоснования этого утверждения приведем данные одного из наиболее полных словарей русского арго, имеющего название «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы» [6]. Авторы данного словаря попытались систематизировать собранную лексику и, выделив доминантные значения, привели в конце работы синонимические ряды слов. Синонимический ряд, объединяющий слова со значением ‘проститутка, женщина легкого поведения’ (авторы словаря рассматривают слово *бикса* именно в этом ряду), включает 171 единицу [6]. Некоторые из обозначений

являются вариантными, однако цифру 150 можно считать вполне надежной. В синонимический ряд включены как изолированные лексические единицы, так и устойчивые сочетания. Интересно. что среди всех членов синонимического ряда только слово *бикса* употребляется в сочетаниях со словами, значения которых имеют отношение к сфере транспорта. Имеются, правда, еще два слова, включенные в этот ряд и имеющие значение, связанное с транспортом: *плечевая* ('проститутка, промышляющая на автострадах') и *трассовая, трассовка* ('проститутка, промышляющая на автотрассах'), однако эти субстантивированные прилагательные в сочетании с другими существительными в данном синонимическом ряду не зафиксированы.

Таким образом, можно констатировать, что связь значения слова *бикса* с семантикой, относящейся к дороге и транспорту, является очевидной.

В этой связи соотнесенность значений слов *бич* ('извоз, ямщина') или *бичевать* ('тянуть судно бичевой') со значением слова *бикса* представляется вполне возможной. Возникновение слова с такой семантикой представляется вполне вероятным, если попытаться обрисовать реальную обстановку, с которой связана семантика слов *бич* и *бичевать* (в приведенных значениях). Так, слово *бичевать*, несомненно, относится к работе сезонных бурлацких артелей (отметим, что, согласно Словарю В.И. Даля, *бурлак* - 'вообще крестьянин, идущий в чужбину на заработки, особенно на речные суда' [24]). Бурлацкую артель составляла достаточно многочисленная группа мужчин. Трудно представить себе, чтобы каждую такую группу не сопровождали женщины, которые, как можно предположить, занимались приготовлением пищи, стиркой,- то есть тем, что традиционно считается женской работой. Весьма вероятно, что слово *бикса* и обозначало женщину, сопровождавшую такого рода мужскую артель.

В настоящее время известно множество социальных вариантов языка, каждый из которых характеризуется своим кругом лексики. Несомненно, имелись лексические особенности и в речи ямщиков и бурлаков, однако они не были сколько-нибудь полно зафиксированы. Возможно, что обращение к различного рода источникам позволит хотя бы частично восстановить эту некогда существовавшую лексику.

Примечания

1. Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / Сост. С.М. Потапов. М., 1927. С. 13.
2. Грачев М.А., Гуров А.И. Словарь молодежных сленгов. Горький, 1989. С. 19.
3. Мильяненков Л.А. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб., 1992. С. 82; 84; 161.
4. Росси Жак Справочник по ГУЛАГу. В двух частях. М., 1991. Ч.1. С. 30.
5. Сидоров А.А. Словарь современного блатного и лагерного жаргона. Ростов-наДону, 1992. С. 21; 24.
6. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М., 1992. С. 28; 175; 24; 133; 292; 313-314.
7. Флегон А. За пределами русских словарей. London, 1973. С. 34.

8. Хукка В.С. Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира: Словарь-справочник / Нижегородская ВШ МВД России. Нижний Новгород, 1992. С. 14.
9. Быков В. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1993. С. 27.
10. Грачев М.А. Язык из мрака: блатная музыка и феня: Словарь. Нижний Новгород, 1992. С. 49.
11. Воривода И.П. Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом. Алма-Ата, 1971. С. 12.
12. Линкевич А.А. Выживание в зоне / Под общей редакцией А.Е. Тараса. Минск., 1999. С. 205.
13. Империя страха. Издатель Эдвард Максимовский. М., 1992. С. 148.
14. Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг. М., 2000. С. 36.
15. Словарь русских народных говоров.- Вып. 2. М., 1966. С. 290; 291; 303.
16. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964. Т.1.
17. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
18. Грачев М.А. Словарь дореволюционного арго. Н. Новгород, 1991. С. 25.
19. Дмитриев Н.К. Турецкие элементы в русских арго// Язык и литература. Л., 1931. Т. 7.
20. Грачев М.А. Принципы составления арготического словаря// А.С. Пушкин и русский литературный язык в XIX-XX вв. Тезисы докладов международной научной конференции. Н.Новгород, 199. С. 92.
21. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 109; 434; 80.
22. Языки народов СССР. В 5 т. М., 1966. Т.2. С. 27.
23. Русская грамматика. М., 1980. Т.2. С. 156.
24. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка./ Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. В 4 т. М., 1998. Т.1. С. 221; 351.

Д.В. Гугунава

ОСОБЕННОСТИ МОРФЕМНОГО СТАТУСА ПРЕПОЗИТИВНЫХ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЧАСТЕЙ СЛОВ *СУПЕР-* И *ГИПЕР-*

Активизация современных словообразовательных процессов отличается возросшей ролью именной префиксации. Так, если в 1960-70-е годы исследователи отмечали, что «префиксальное образование от существительных представлено весьма ограниченно» [1], а «преимущественной сферой использования приставок является категория глагола» [2], то уже в 1988г. М.М. Петрова констатирует активизацию приименной префиксации [3].

Сильно повлияли на развитие этих процессов заимствованные префиксы. Причины приоритета иноязычных приставок перед исконными ученые видят в большей информативности, узкоспециализированном значении, привязанности к книжной сфере [3].

Особенно активизировались процессы именной префиксации в 90-е годы XX в. К числу наиболее востребованных относятся производные с частями *супер-* и *сверх-*, выражающими высокую степень проявления

признака, обозначаемого базовой основой. Это объясняется как тенденцией к экспрессивизации речи (*супершпион*, *супердорогой*, *сверхосторожный*), так и необходимостью называть явления научно-технического прогресса (*супертуннель*, *супердвигатель*, *сверхдавление*) [4].

Наряду с *супер-* и *сверх-* активизируются и синонимичные им морфемы *архи-*, *гипер-*, *ультра-*, *экстра-*. *Гипер-* в этом ряду стоит особняком, т.к. ее значение наиболее близко значению *супер-*, но продуктивность этой части максимально высока в книжной речи, в терминологии (похожая ситуация наблюдалась с *супер-* несколько десятилетий назад).

Актуализация указанных формантов сопровождается изменениями функционально-семантического плана*, что следует из наблюдений над результатами современных речевых процессов.

Весьма репрезентативен анализ новообразований, представленных в постмодернистской критике. Представляют интерес в этом плане монография известного критика, литературоведа и культуролога М.Эпштейна «Постмодернизм в России» [5] и монография одного из ведущих критиков литературного постмодернизма В. Курицына «Русский литературный постмодернизм» [6].

В монографии М. Эпштейна [5] имеется 15 новообразований, содержащих часть *гипер-*, 4 новообразования с частью *супер-* и 2 – с частью *сверх-*. При этом семантика части *гипер-* уточняется автором: *Значение «гипер» можно разложить на значения двух приставок «супер» и «псевдо». Так, гиперсоциальность – это социальность, возведенная в политический и моральный императив, <...> и именно поэтому ведущая к разрушению социальных связей, разобщению людей и «культу личности». Гиперсоциальность – это суперсоциальность и одновременно псевдосоциальность**, т.е. такое усиление социального фактора, которое нарушает его собственную меру*...[5]

Подавляющее большинство выявленных новообразований – имена существительные: *гиперреальность*; *гиперсоциальность*; *гиперматериальность*; *гиперсексуальность*; *гипертекстуальность*; *гиперэлементарность*; *гиперобъект*; *гиперобъектность*; *гипербытие*; *гиперинстинкт*; *гиперединичность*; *супервещь*; *суперидея*; *суперреальность*; *суперсоциальность*; *сверхъязык*.

Некоторые новообразования относятся к прилагательным: *гиперсексуальный*; *сверхгеометрический*.

Похожая картина наблюдается в монографии В. Курицына [6]: 12 новообразований с *гипер-*, одно с *супер-*. Из них одно – имя прилагательное:

---

* Например, у многих пространственно-временных приставок усиливается качественное значение. Ср. ***ультрафиолетовый*** и ***ультрамодный***; ***суперсегментный*** и ***суперэкспресс*** [4].

** Здесь налицо случай окказиональной (контекстуальной) антонимии элементов ***гипер-*** и ***супер-***, обусловленной индивидуально-авторским переосмыслением их семантики в составе окказиональных терминов.

гиперреалистический. Остальные же – существительные: *гипероперация*; *гипернаучность*; *гиперлитературность*; *гиперэкзистенция*; *гиперсоциальность*; *гиперматериальность*; *гиперсексуальность*; *гиперозначаемое*; *гиперкульт*; *медиа-гиперреальность*; *суперлогос*.

Столь высокая частотность элемента *гипер-* может свидетельствовать о его префиксальном характере [7]. Между тем в ряде случаев *супер-* и *гипер-* выступают как самостоятельные слова: *«Гипер» – это такой «супер», который самим избытком своего качества переступает границу реальности и оказывается в зоне «псевдо»* [5]. *Диалектика «супер» и «псевдо», которая разыгрывается внутри «гипер», резко отличается от классической гегелевской диалектики тезиса и антитезиса с их последующим примирением и слиянием в синтезе* [5]; *Но «гипер», в силу своей искусственно-рассудочной природы, есть квинтэссенция одного качества при исключении всех остальных* [5]; *По мнению Эпштейна, парадигму XX века можно описать через понятие «гипер», что значит «чрезмерный», в котором разделяются две плоскости: «супер» и «псевдо»* [5].

В разговорной речи и в СМИ наблюдается в основном эмансипация элемента *супер-*[*], а в книжной речи – *гипер-*. Об этом свидетельствует, например, наличие словоизменительной парадигмы: *Нашим главным рыбным хозяином было получено полмиллиарда долларов под строительство пятнадцати супертраулеров в Приморье. И вот эти супера построены на государственные деньги, и Наздратенко <...> отбирает эти супера и отдает их «Дальморепродукту»* (Эхо Москвы, 19.02.01); *Приезжали супера* [суперпрофессионалы – Д.Г.] *из Питера, чтобы поделиться опытом с нашими менеджерами* (устн.). Эти случаи можно назвать усечением. Между тем в следующем примере элемент *гипер-* просто лексикализуется: *«Чистая» социальность коммунистического типа подобна «чистой» сексуальности психоанализа, или текстуальности новой критики, этим «гиперам» вышеописанных образцов: это некая гипнотически яркая квинтэссенция социума, которая в силу своей абстрактности исключает и подавляет все индивидуальное и конкретное* [5].

Еще более значимо выступление элементов *супер-* и *гипер-* в качестве базовой основы: *слушатель предлагает суперский способ определения лучшего игрока* (Эхо Москвы, 17.12.2000); *Джинсовка – самая что ни на есть суперская на сегодняшний день ткань* (Комсомольская правда, 30.03.01); *Но и в коммунистическом мире в это же время, в 1920-30-е годы, сходные процессы «гиперизации» распространяются на все сферы общественной жизни* [5]; *Знаменательно, что из приведенных шести*

---

[*] Наряду с кодифицированными существительным супер и наречием супер: «СУПЕР. I. –а.; м. *Разг.* = Суперобложка. *Книга в супере. Красочный с.* II. неизм.; в зн. прил. *Разг.* Отличный, очень хороший, превосходный. *У него джинсы просто с.*< Супер, в зн. нареч. (2 зн.). *Как дела? – С.!*» [17]. См. также [14], [19]. Ср. пример из телерекламы: *Супер – это что? Супер – это кто? Супер – это новая жевательная резинка. У нее вкус – супер! И цена – супер!*

областей гиперизации три традиционно охватываются понятием «революция»: социальная, сексуальная, научная [5]. Эти примеры свидетельствуют в пользу того, что корневой характер семантики заимствованных препозитивных элементов еще не до конца утрачен, и затрудняют квалификацию морфемного статуса данных элементов*.

Ситуация неопределенности проявляется в отсутствии единого мнения в лингвистике относительно морфемного статуса и семантики указанных словоэлементов. Так, «Русская грамматика» [8] отмечает продуктивность словообразовательного типа «существительные с префиксом *супер-*» в научно-технической терминологии и в газетно-публицистической речи, где *супер-* синонимична приставке *сверх-*. Между тем семантика *супер-* и *сверх-*, а также *архи-*, *ультра-*, *экстра-* не дифференцирована, хотя сфера употребления *супер-* обозначена шире остальных. «Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка» [9] трактует *супер-* как регулярную и продуктивную (особенно в научно-технической терминологии) префиксальную словообразовательную единицу, выделяющуюся в именах существительных, и как регулярную продуктивную формообразующую единицу, выделяющуюся в именах прилагательных. Семантика *супер-*, *архи-*, *сверх-* и *ультра-* снова не разграничена. «Толковый словарь иноязычных слов» [10] определяет *супер-* как приставку, образующую существительные и прилагательные (от лат. super – сверху, над). Между тем, в ряде новейших словарей формант *супер-* квалифицируется как первая часть сложных слов, т.е., по сути, префиксоид [11,12,13]. «Большой толковый словарь русского языка» [13] толкует как первые части сложных слов также *лже-, квази-, псевдо-, гипер-, супер-, сверх-, меж-, видео-* и др. Кроме того, *супер, ультра, экстра, видео* и т.п. зафиксированы как отдельные слова. Приставкой считают элемент *супер-* словари [9,10,14,15], видимо, следуя критерию освоенности морфемы русским языком**.

Так, элемент *гипер-*, как менее освоенный, только в словаре [14] назван приставкой; в остальных же из перечисленных словарей он определяется как первая часть (начальная часть) сложных слов.

Чтобы внести определенность в отношении морфемного статуса препозитивных заимствованных частей слов, целесообразно вспомнить

---

* Кроме суффиксации, элемент ***супер-*** участвует и в разновидности сложения – гендиадисе: слово ***супер-пупер*** в разговорной речи употребляется довольно регулярно, а в последнее время служит и названием телепередачи. С некоторыми оговорками можно рассматривать удвоение и объединение препозитивных словных частей в «сложный комплекс» [4,117] как вариант сложения, напр.: ***Сверхсуперфестиваль*** (Сегодня, 07.09.94); ***Пост-пост****, заведенный механизм насаживания подобного, утешает эпоху: ведь новая категория – это революция, так пусть длится старая* [7]; *Постмодернизм много играл со смешением жанров и с понятием жанровых неопределенностей.* ***Постпостмодернизм*** *делает ставку на жанровую чистоту* [7].

** Применение этого критерия наблюдается в статье ГИПЕР… «Толкового словаря иноязычных слов» [14]: «ГИПЕР…[< греч. hyper, над, сверх, по ту сторону]. Первая составляющая часть иноязычного слова или приставка (в словах, образованных в русском языке), указывающая на превышение нормы, напр. *гипертония*, *гиперзвуковой*; противоп. *гипо*…

традиционные критерии выделения соответственно непроизводной основы, префикса и префиксоида, и последовательно применить к словным частям *гипер-* и *супер-*, опираясь на приведенные выше примеры. Таким образом, *гипер-* и *супер-* могут быть квалифицированы либо как префиксальные или корневые морфемы, либо как морфемы переходного характера – префиксоиды.

Н.М. Шанский [2] относит к корневым морфемам непроизводные основы, которые в каждом слове являются основным элементом, мотивирующим его значение. В.Н. Немченко [16] дополняет это замечание критерием повторяемости в составе всех родственных слов, образующих словообразовательное гнездо; а также критерием незакрепленного места в слове, отмечая также, что корневая морфема должна номинировать фрагмент реальной действительности. «Русская грамматика» [8] утверждает, что «корневой морф может полностью совпадать с основой» [8], тут же оговаривается совпадение некоторых префиксальных морфов с основами служебных слов. **Всем перечисленным критериям выделения корневой морфемы соответствуют приведенные выше примеры *гипер* и *супер* (как самостоятельные слова) и производные от них (*суперский*, *гиперизация*).** Однако в словарях [11,12,13,14,15] зафиксировано как отдельное слово лишь *супер* (в значении *'суперобложка'* и в значении *'отлично'*).

Среди признаков префиксов необходимо отметить их большую, по сравнению с суффиксами, независимость в качестве значимой части слова, способность образовывать слова в качестве одиночно выступающей морфемы*, «более узкий, чем у суффиксов, диапазон действия» [2]. Префикс должен выражать лексико-грамматическое значение; «может иметь побочное ударение» [16]. **Критериям префикса соответствуют все примеры новообразований с препозитивными элементами *гипер-* и *супер-*.**

В лингвистике даются различные критерии выделения префиксоидов. В.Н. Немченко [16] называет префиксоидом морфему, совмещающую «признаки приставки и корня» [16]. Н.М. Шанский [2] относит к аффиксоидам радиксальные морфемы с «абстрактной семантикой, близкой к словообразовательному значению аффиксов» [2], исполняющие в составе сложных слов аффиксальные функции. Отмечается также обязательная регулярность префиксоидов [16]. Префиксоид характеризуется способностью выступать в качестве корня и в то же время в качестве префикса [16]. При этом префиксоид понимается как один из этапов эволюции от корня к префиксу. В.В. Лопатин [19] называет аффиксоидом «компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу – суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу

---

* Исходя из этих соображений, префиксальный способ словообразования, как замечает Н.М. Шанский [2], интерпретируется некоторыми учеными как сложение [17, 18].

(для первых компонентов)» [19]. Здесь же приводится значительно расширенный перечень примеров префиксоидов: «*само-* (*самообслуживание*, *самодисциплина*), *полу-* (*полукруг*, *полупроводник*), *лже-* (*лженаука*, *лжеученый*) <…>, *видео-* (*видеофильм*, *видеопленка*), *орг-* (*оргработа*, *орготдел*)» [19]. Также отнесены к аффиксоидам «связанные компоненты сложных слов, не выступающие в качестве корневых в словах иной структуры, напр. <…> префиксоиды <…> *аэро-* (*аэровокзал*, *аэросев*), *псевдо-* (*псевдоискусство*, *псевдоготический*), *еже-* (*ежедневный*, *ежегодный*)* » [19], традиционно называемые аффиксами [2,4,16] и др. **Критериям префиксоида отвечают препозитивные части *гипер-* и *супер-* в примерах из [5] и [6].**

Судя по всему, морфемный статус словных частей *гипер-* и *супер-* в рассматриваемых примерах вырастает из определения «префикс». Эволюция же их в сторону префиксоидных и корневых морфем** в результате актуализации корневой семантики не позволяет сделать однозначного вывода. Представляется возможным при унификации отличий радиксальных морфем от аффиксальных видоизменить синхронный критерий, по которому словоэлемент признается аффиксоидом с учетом употребления препозитивных словных частей в новообразованиях.

Таким образом можно говорить о диффузном, переходном характере препозитивных словных частей заимствованного характера, их семантико-функционального и морфемного статуса. Данные части занимают промежуточное положение между префиксальными и корневыми морфемами.

Примечания

1. Милославский Н.Н. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980. С. 190.
2. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968. С.99;100;89.
3. Петрова М.М. Морфемизация словообразовательных элементов латинского происхождения в русском языке // Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Сборник статей к 140-летию со дня рождения И.А.Бодуэна де Куртенэ. Казань, 1988. С. 76.
4. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М., 2000. С. 117.
5. Эпштейн М. Постмодерн в России. М., 2000.
6. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М., 2000.
7. Земская Е.А Словообразование как деятельность. М., 1992.
8. Русская грамматика. М.-Л., 1980. Т.1. С. 124.
9. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.
10. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
11. Толковый словарь русского языка конца XX в. М., 1998.
12. Словарь новых слов русского языка. М., 1995.
13. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

---

* В качестве примера эмансипации элемента *еже-* можно привести название издательства «Еже», выпускающего ежедневники, еженедельники, календари и т.п.

** Трансформации семантико-функционального плана, рассмотренные в примерах, вряд ли были бы возможны еще несколько десятилетий назад.

15. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. В 2 т. М., 2000.
16. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984. С. 21; 214.
17. Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950. С. 253.
18. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 302.
19. Лопатин В.В. Энциклопедия «Русский язык» // Аффиксоид. М., 1997. С. 43.

Н.П. Дмитренко

ПОЛЕ «ХАРАКТЕР»

Одно и то же мыслительное содержание может быть выражено средствами разных уровней языка. Взаимодействуя на общей семантической основе, разноуровневые языковые средства могут выполнять одну семантическую функцию, вступать в синонимические отношения. Систему разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций, принято называть функционально-семантическим полем [1]. Такова в общем виде посылка, побуждающая исследователей моделировать «поля» – целостные, но не закрытые, а способные к развитию парадигматические группировки. «Целостность» поля обеспечивается наличием инварианта – общей семантической функции; «открытость» обусловлена развитием языка.

В статье рассматриваются языковые средства, выполняющие в тексте одну, общую семантическую функцию – «указание на черту характера». Источником изучения средств языка, описывающих характер, служат литературные портретные характеристики.

Текст-портрет определяется в Краткой Литературной энциклопедии как “изображение наружности человека (черт лица, фигуры, позы, мимики, жеста, иногда - одежды)” [2].

Краткое определение портрета как “изображение наружности человека” именно в силу своей краткости оказывается довольно элементарным, упрощенным. Оно не дает представления о многообразии возможностей и средств портретных характеристик. Основную задачу портретного рисунка мастера слова определяли как “постижение сущности характера человека, умение найти главное, добраться до сердцевины и передать это в портрете. Тогда портрет приобретает свое истинное назначение в искусстве, являясь разгадкой характера героя, средством художественного изображения богатства и многообразия жизни, нашедшей свое конкретное проявление в отдельном человеке” [3].

В произведениях искусства и литературы портрет нельзя отождествлять с простым описанием наружности человека, его лица, фигуры, одежды, жеста. “Хороший живописец, - утверждал Леонардо да Винчи, - должен писать две главные вещи: человека и представление его души”. Это утверждение справедливо и для “живописи словом”.

Только когда из первоначальных, порой разрозненных впечатлений постепенно складываются глубинные, единственно важные, те, которые в “строенье лица” помогают обнажить строенье души, проникнуть в тайны ума и сердца, в чертах внешнего облика прочитать все, что скрыто в тайниках души, когда внешнее - жест, улыбка, поворот головы - оказывается непосредственным отражением внутреннего, сигналом от внешнего к внутреннему, портрет человека начинает вырисовываться как портрет-характеристика - не односторонний (только внешний или только внутренний), а взаимопроникающий.

Материалом исследования послужили 479 текстов-портретов, фрагментов художественных произведений малого жанра - рассказов и очерков, созданных русскими писателями XIX-XX веков.

Обращение именно к малому жанру не случайно. Тщательность в отборе языковых средств, концентрированность всех средств выразительности, точно найденные детали, функциональная нагрузка каждой детали (в том числе и портретных), умение через частное выразить целое приобретает в рассказе и очерке особое значение в силу необходимости выявить на сравнительно небольшой площади глубинный смысл явления, образа. В рассказе и очерке “другая динамика, иной род интенсивности в подаче материала, чем ... в повести, не говоря уже о романе” [4]. Портретная характеристика персонажа в рассказе и очерке обычно дается компактно и соответствует речевой репрезентации предложения (высказывания) или сверхфразового единства. Детали портрета могут быть “рассыпаны”, рассредоточены по тексту, однако в произведениях малого жанра они расставлены так, чтобы “мгновенно, “с быстротой чтения”, слагаться в образ, рождать у читателя живое, картинное представление” [5].

Анализ текстов-портретов показывает, что одна и та же языковая единица, в зависимости от «устойчивости» обозначаемого ею признака (в пределах данного текста), может быть средством выражения как «характера», так и «состояния». Критерий устойчивости позволяет отделить «видовое отличие сущности» от «состояния движущегося» [6].

*У него была жена, **пухлая, чувствительная, слезливая** и **злая** - дюжинное и тяжелое созданье ...* (Тургенев).

*Обратилась к коменданту. А тот - **замотанный, издерганный, злой, красноглазый** от бессонья и говорит: “Только тебя мне не хватало!..”* (Чудакова).

Если чувство злобы, недоброжелательства владеет человеком постоянно, оно становится определяющей чертой характера; прилагательное ***злой*** в значении "полный злобы" указывает на устойчивое свойство (ср.: злой человек - добрый человек). Имена прилагательные первого текстового фрагмента – ***пухлый, чувствительный, слезливый, злой*** – выражают постоянные признаки субъекта (жены) и являются средствами выражения качества [7], причем три последних – чувствительный, слезливый, злой - обозначают черты характера.

Имена прилагательные ***издерганный, замотанный, злой, красноглазый*** (второй текстовый фрагмент) характеризуют состояние героя, причина раздраженности и враждебности которого ясна из контекста – герой вынужден решать огромное количество проблем, не имеет времени на сон, отдых.

Неустойчивость признаков, обозначаемых прилагательными ***издерганный, замотанный, злой, красноглазый,*** поддерживается (и подсказывается) лексическим окружением рассматриваемых единиц, семантикой самой синтаксической конструкции (каузатив - *красноглазый от бессонья*), словообразовательными особенностями лексем (отглагольные прилагательные – *издерганный, замотанный*), содержанием всего произведения [8].

Языковые средства, описывающие характер, расположены ниже в соответствии с активностью их функционирования в тексте.

1. Имена прилагательные в атрибутивных и предикативных сочетаниях: приветливый, злой, волевой и т.п. (76,2%).

Примеры текстового употребления:

Лицо его, румяное, свежее, ***нахальное***, принадлежало к числу лиц, которые... очень часто нравятся женщинам (Тургенев).

Татьяна Ивановна была ***робка, конфузлива*** и ***благонравна*** (Чехов).

2. Имена существительные, в семантической структуре которых есть компонент "черта характера": отвага, суровость, благородство, хохотушка, болтушка, врушка, смельчак и т.п. (13,8%).

Примеры текстового употребления:

Лицо, взгляд, голос, каждое движение, все существо незнакомца дышало сумасбродной ***отвагой*** и ***гордостью*** непомерной, небывалой (Тургенев).

Поражала в нем смесь какой-то врожденной, природной ***свирепости*** и такого же врожденного *благородства* (Тургенев).

... глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала ***сила*** (Тургенев).

Будет там эта курносенькая ***хохотушка***, учительница немецкого языка (Шукшин).

Группа данных существительных неоднородна в словообразовательном, морфологическом и синтаксическом отношениях.

Существительные типа ***хохотушка, болтушка, вертушка*** образованы от глаголов ***хохотать, болтать, вертеться*** при помощи суффикса -ушк- и

служат для обозначения лиц по привычному действию или по склонности к какому-нибудь действию, которая обнаруживается в поведении и рассматривается как одна из черт характера. Семантика производящей основы обусловливает выполнение данными существительными функции "указание на черту характера"; суффикс -ушк- является средством выражения эмоционального отношения говорящего к объекту речи.

В непроизводных существительных типа ***отвага, ласка*** функцию "указание на черту характера" выполняет основа слова отваг-, ласк-; от этих основ могут быть образованы характерологические прилагательные отважный, ласковый.

Существительные типа ***суровость, бесстрашие, благородство*** образованы от характерологических прилагательных ***суровый, бесстрашный, благородный*** при помощи суффиксов -ость-, -ий-, -ств-. Выполнение данными существительными функции "указание на черту характера" обусловлено, следовательно, семантикой производящей основы. Синтаксические функции рассматриваемых суффиксальных производных описаны Г.А. Золотовой [9]. Наши наблюдения над употреблением и сочетаемостью данных существительных в тексте полностью соответствуют выводам Г.А. Золотовой. Стоит отметить, что характерологические существительные в целом (независимо от производности/непроизводности основы) употребляются преимущественно в предикативных оборотах. В роли связочных используются при этом глаголы и адъективные формы: *лицо дышит приветом и лаской; славный бесстрашием; ее отличает доброта; она отличается добротой; отличающийся добротой.*

3. Наречия в сочетании с глаголами и глагольными производными: смело, твердо, прямо и т.п. (8,2%).

Пример текстового употребления:

...из-под сросшихся широких бровей ***смело*** глядели небольшие карие глаза (Тургенев).

Рассматриваемые наречия являются производными прилагательных с семантикой "характер":смелый, твердый. Выполнение данными наречиями функции "указание на черту характера" обусловлено, следовательно, семантикой производящей основы.

4. Адъективированные причастия, в семантической структуре которых есть компонент "черта характера": заискивающий, пришибленный, забитый и т.п. (1,1%).

Пример текстового употребления:

Говорит он ***заискивающим*** тенорком, то и дело покашливая (Чехов).

Сема "черта характера" становится явной при синонимической замене рассматриваемых лексем характерологическими прилагательными: заискивающий (тенорок) - подобострастный, угодливый; забитое (создание) - покорный, слабохарактерный; (что-то) пришибленное - покорный, бесхарактерный.

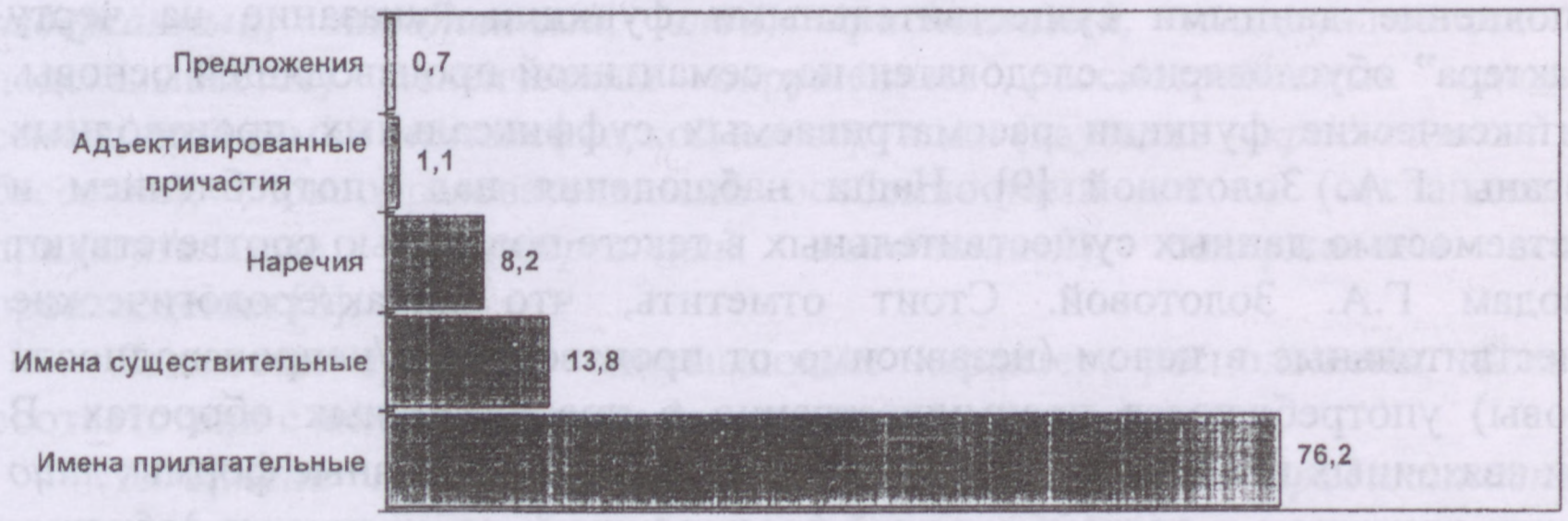
5. Синтаксические конструкции, смысловое содержание которых может быть передано средствами, эксплицитно выражающими особенности характера: улыбался постоянно; с губ не сходила улыбка; Улыбки на лице Иловайского я не видала никогда (0,7%).

Пример текстового употребления:

Улыбался он почти ***постоянно***, ... добродушно и величаво (Тургенев).

В данных синтаксических конструкциях содержится указание на склонность или несклонность субъекта к какому-либо действию. Эта склонность становится определяющей в поведении и в характере. Ср.: улыбался постоянно - улыбчивый человек; с губ не сходила улыбка - улыбчивый человек; улыбки на его лице не видели никогда - неулыбчивый, холодный, бесстрастный, угрюмый (в зависимости от контекста) человек.

Поле "Характер"



План выражения поля "Характер" образуют:

1) лексико-морфологические средства: имена прилагательные, имена существительные, наречия, адъективированные причастия;

2) синтаксические средства: словосочетания, предложения.

Примечания

1. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984. С. 21.
2. Краткая Литературная энциклопедия. М., 1968. Т.5. С. 894.
3. Тюхова Е.В. Портретное искусство Достоевского в романе «Идиот» // ФН, 1968. С.36.
4. Крамов И. В зеркале рассказа. М., 1979. С. 20.
5. Нагибин Ю.М. Размышления о рассказе. М., 1964. С. 25.
6. Аристотель. Сочинения. М., 1976. Т.1. С. 165.
7. Дмитренко Н.П. Содержание и языковая экспликация понятийной категории качества // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвуз. сб. Нижний Новгород, 1998. Ч. 1. С. 23-32.
8. Е.М. Вольф [Вольф Е.М. Состояние и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 320-339] отмечает, что временный характер признака может квалифицироваться наречиями *всегда, постоянно*, невозможными при постоянных признаках (ср.: Он всегда веселый, но Он всегда высокий). *Всегда* подразумевает возможность варьирования признака и, следовательно, его временный характер (ср.: Его как подменили: всегда был такой тихий, а сегодня будто с цепи сорвался и Он скромный. тихий человек).
9. Золотова Г.А. О синтаксических свойствах имен качества // Синтаксис и стилистика. М., 1976. С. 130-160.

Ю.С. Долгов

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭНЕРГИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ — ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ЗАКОНОВ ВАЛЕНТНОСТНОЙ ГРАММАТИКИ

Вероятно, многие лингвисты согласятся с толкованием значения слова «энергия», что даётся в современных словарях. И прежде всего с пониманием энергии как общей количественной меры движения и взаимодействия всех видов материи в форме механической, тепловой, электромагнитной, ядерной и др. [1]. Ни один из современных идеалистов не станет отрицать ядерную энергию. Но уже со следующим понятием — определением энергии двух идентичных сочетающихся единиц и рождающейся при этом валентности дело обстоит иначе, ибо далеко не все понимают внутреннюю и внешнюю валентность, начиная с первой языковой единицы — фонемы и кончая текстом и единицами текста. Не все еще осознали, что валентностная грамматика – необходимая часть общей грамматики. Даже если говорят о валентности как грамматическом явлении, понять сущность её могут далеко не все. Одни лингвисты пишут, что они не знают ни одного учёного, который не признавал бы валентность, и в то же время грамматическое явление смешивают с валентностной грамматикой. Другие считают, что нет такого ученого, который бы чётко и ясно объяснил, что такое валентность, ибо они всю жизнь обходились без этого понятия, им оно просто не нужно. Вот почему приходится вновь и вновь объяснять и говорить о сочетающихся единицах и выявлять новые категории и признаки, появляющиеся именно в момент соединения. У любой единицы языка есть признаки постоянные, в тексте они меняются, становясь переменными. На первый план могут выдвигаться другие признаки, присущие единицам языка, а не текста. Это даёт языку не просто устойчивость, но и иные текстовые характеристики. Вот почему приходится писать о валентностной грамматике, призывая на помощь не только лингвистов, но и филологов в широком плане и творцов языка — писателей, болеющих за язык, которым они пользуются.

В недавно вышедшей коллективной монографии «Моделирование процессов функциональной категоризации глагола» А. Л. Шарандин пишет об этапах лексического абстрагирования глагола[2]. Здесь речь идёт о субъективно-психологическом восприятии текста, а не только речи и языка, значит, это уже задача не просто общей грамматики, но валентностной, основными признаками которой являются законы деятельности энергии.

Некоторые лингвисты считают валентность своего рода энергией языка. Это характерно для работ философа и лингвиста А Ф. Лосева, поэта В. Фёдорова, неоднократно подчёркивавшего, что слово (словоформа)

является не просто звеном в словесной цепи, но сама цепь обладает энергией[3].

Разумеется, поэт ничего не знал о валентности как термине грамматики, но осознал, что только связь рождает в словоформах новое значение, смысл. По словам А.Ф. Лосева: «Валентность и сочетаемость — тоже близкие термины, поскольку валентность также указывает на некоторого рода объединение языковых элементов...»[4].

Вернёмся к осмыслению самого творческого процесса творцами его. И вновь речь пойдёт о первоэлементе валентности, ибо и поэты, и писатели не говорят о фонемах, слогах, морфемах, словоформах, синтагмах и всех единицах языка вообще, а говорят в лучшем случае о словах, предложениях, о том, **что** каждой единице даёт текст. В беседе с журналистом Ал.Горловским поэт Анатолий Жигулин говорит, в лучшем случае, о самом существенном для творческого человека — собственных глубоких чувствах. Но всё, о чём они говорят, присуще и другим писателям. Поэтические строки сравниваются с горящей свечой, что сгорает в душе; именно энергия души превращается в поэзию. Журналист спрашивает: «Что составляет основу вашего вдохновения? - Мысль, строчка, рифма ли, галлюцинативное воображение или звуковое, музыкальное начало? Есть ли вообще какая-то закономерность в самом процессе рождения стихов?». И получает исчерпывающий ответ, который, думается, интересен не только поэтам, но и учёным-валентностникам: «Основу моего «вдохновения» составляют все перечисленные вами категории; пожалуй, только кроме рифмы. Я никогда не иду от формы, а только от чувства. Что же касается закономерности в самом рождении стихов, то она, конечно, есть. Причём она, на мой взгляд, общая — как у меня, так и у многих других поэтов. Я, опираясь не на филологию, а на математические знания, представляю себе эту закономерность так. – Существует некая **душевная энергия**. Мы, поэты и критики, называем её по-разному: переживанием, вдохновением, чувством, болью, иногда судьбою и даже кровью. Отсюда выражения: «судьбы маловато», или «полнокровные стихи», «слов больше, чем чувства» и т. д. Задача поэта перевести эту **душевную энергию** в **энергию слова**. Передать её читателю»[5].

Далее А. Жигулин говорит о возможных потерях при переходе одного вида энергии в другую, причём это случается с поэтическими строками и крупных поэтов. И вновь поэтическое сравнение с кипящим чайником, который кипит не от избытка чувств, и перевод этой энергии в энергию слова невозможен. Затем поэт говорит о **качестве** душевной энергии и иных слагаемых лирики.

Но для нас важнее следующие мысли о смысловой заряжённости, что высказал не поэт, а лингвист-валентностник А.Ф. Лосев. Говоря о смысловой заряжённости языкового контекста, он подчёркивает, что нужно отличать её и от основного значения словоформы, видеть основным в речи само **слово**, приводя в качестве примера столяра-ремесленника, который не просто

работает, но и ест, пьёт, т. е. живёт полноценной жизнью: «Другими словами, слово «столяр», а не понятие столяра обладает, попросту говоря, бесконечной валентностью, так как это не мысль, но непосредственная действительность мысли»[4].

В отличие от статических категорий языка валентность имеет динамический характер. Все сочетающиеся компоненты – от фонемы до сложного синтаксического целого, абзаца — все единицы текста сочетаются в определённом порядке, строгой последовательности. Водород и кислород совершенно не напоминают воду, только соединённые по формуле H_2O они образуют новое вещество со своей формой и своим названием. Так и в словоформе, состоящий из фонем, слогов, морфем, — все они работают только в соединении с другими аналогичными единицами языка низшего яруса. А уже словоформа соединяется с другой словоформой и становится синтаксемой, ибо она стала компонентом следующей единицы языка — словосочетания. Дело не в изменении названия, а в функции и более точном назывании в соответствии с функцией. Синтаксема в словосочетании — это одно, а в предложении несколько иное. Новые функции рождают новую единицу, например, та же словоформа как конечный продукт деятельности может в тексте стать синтаксемой; тогда она из статичной единицы превращается в динамичную, как нацеленная на деятельность.

Ср. еще слова А. Жигулина, который, отвечая на вопрос журналиста, говорит: «Казалось бы, чего ещё нужно, чтобы писать настоящие стихи? Не хватает одной малости, сущей безделицы — **собственного глубокого чувства**. Я подчёркиваю — **собственного глубокого чувства, собственного больного, трагического столкновения с жизнью**»[5].

Верно понять основы валентностной науки — это значит, изложить, за счёт чего происходит объединение двух (или более) однотипных единиц, их сочетаемость на основе валентности в контексте. Мы не отдаём пальму первенства ни форме, ни значению, ибо они равноценны, но мы сегодня ведём речь о действительности мысли, об энергии словоформ, поэтому говорим о первой смысловой единице — слоге как единице фонетики (фонологии). Поскольку мы отвечаем и нашим критикам, то напомним, как о фундаментальных законах писал В.К. Журавлёв: «Заложить фундамент науки — значит открыть её исходный пункт, её «клеточку», которую надо положить в основу всего понятийного аппарата данной науки. Безусловно, такой «клеточкой» фонологии является понятие фонемы. Собственно, фонология и начинается с идеи о несовпадении физической природы звуков с их назначением в механизме языка»[6]. Далее ученый говорит, что фонема получила лингвистический статус лишь тогда, когда появилась новая наука — фонология и её базовые понятия о фонеме: фонологическая позиция — оппозиция — нейтрализация. Отдельные лингвисты пытаются применить открытые законы фонологии ко всем разделам языкознания; иногда они действуют (работают), а иногда не действуют, ибо то, что работает в

фонологии, не всегда применимо к другим разделам грамматики. Тогда корректное описание не удаётся, получается непродуманным.

Приведём в качестве примера мысли В. К. Журавлёва: «Фундаментальные положения могут быть и в частных фонологиях. Так, выдвинутое И. А. Бодуэном де Куртенэ фундаментальное положение о том, что в праславянском языке существовало противопоставление твёрдых и мягких не согласных или гласных, а целостных слогов, спустя несколько десятилетий было вновь открыто Р.О. Якобсоном, и ещё через 15 лет Р.И.Аванесовым. И наивными кажутся попытки опровергнуть это фундаментальное положение истории славянских языков — вместо того, чтобы объяснить его. Такова уж специфика фундаментальных положений!»[6]. Такова сейчас и наука о сочетающихся единицах: вместо попыток объяснить новое и пересмотреть давно знакомые единицы языка и их функции, проще сказать: валентность есть, давно является «ветряной мельницей» в науке, мы давно всё знаем.

Прошло сто лет с момента открытия словосочетания, но до сих пор «учёные» пишут, что номинативная функция для этой единицы является основной, поэтому приходиться считать, что данная единица изучена все еще недостаточно [7]. Ни одна наука не подошла к своему финалу, даже члены предложения ещё не изученная категория. Пожалуй, можно говорить и о необходимой базе для изучения словообразования, а о фонологии как о молодой науке. Получается, мы говорим о сочетаемости морфем, но о слове говорим как единице языковой, но не грамматической. Однако так говорить о словоформе мы не имеем права, ибо мы дошли только до слова как конечного объекта изучения, но синтаксема - это не словоформа, она объект дальнейшего изучения текста. А текст, единицы которого далеко не изучены, является объектом изучения валентностной грамматики.

Рассмотрение единиц языка со стороны их образования — это рассмотрение всех единиц «снизу вверх», а рассмотрение их «сверху вниз» — это изучение функционирования в тексте, абзаце, сложном синтаксическом целом и т.д. Одной такой единицей, специально выделенной и наглядной, явилось словосочетание, открытое и описанное в работе Ф.Ф. Фортунатова «Сравнительное языкознание» (1901—1902). Почти сто лет прошло с тех пор, но и сегодня этой единице приписывают признаки других единиц, например, предложения. Многие помнят дискуссию между В.В.Виноградовым и В.П. Сухотиным о предикативности–непридикативности словосочетания, хотя все знают, что это признак предложения, а не словосочетания. Знать-то знают, но учебники по русскому языку для университетов первым признаком словосочетания продолжают называют предложенческий.

Взгляд на словосочетание через предложение – это взгляд «сверху вниз», а не взгляд на единицу как равноправную среди равных, хотя уже А.Н. Гвоздев видел переходность между предложением и словосочетанием[7].

Не касаясь многих спорных вопросов, валентностная грамматика их просто снимает – не переносить признаки единиц одного уровня, при рассмотрении. Это можно назвать вторым признаком (правилом) валентностной грамматики. На каждом уровне есть основные (ведущие) признаки, все остальные являются вспомогательными, дополнительными, некоторые вообще являются контекстными, а не языковыми, например, признак номинативности. Словосочетание можно и должно рассматривать как словарную единицу, тогда номинативная функция отодвигается на второй план, но, в любом случае, после валентностной.

В заключение подчеркнём, что оба названных нами признака (правила) валентностной грамматики действуют на всех уровнях языковой цепи единиц, но в каком случае они бывают статичными или динамичными – зависит от целей и задач исследования.

Примечания

1. Словарь русского языка: В 4 т. 3-е изд. М., 1985. Т. 4. С. 761.
2. Моделирование процессов функциональной категоризации глагола. Изд-во ТГУ, 2000. С. 172.
3. Фёдоров В. Собр.соч.: В 5 т. М., 1988. Т. 4. С. 420—421.
4. Лосев А.Ф. Языковая структура. М., 1983. С. 140—141; 143.
5. Жигулин А. Из разных лет, из разных далей. М., 1986. С. 420—421; 431.
6. Журавлёв В. К. Вместо заключения (фундаментальный характер фонологических идей) // Фонология. Тамбов, 1982. С. 173; 176-177.
7. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. 4-е изд. М., 1973. Ч. 2. С. 21.

И.С. Ипатова

ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ: ОРГАНИЗАЦИЯ ДИАЛОГОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Понятие публичной речи в науке и общественно-речевой практике неразрывно связано с понятием диалога. В любом словаре их дефиниции отражают, согласно “правилу шести шагов”, семантическую неразнесенность [1]. Вместе с тем рассмотрение публичной речи сопряжено с необходимостью представления ее диалектически сущностного единства: **публичная речь как текст**, созданный оратором для выступления перед аудиторией, и **публичная речь как средство обеспечения процесса коммуникации**; при этом “диалог как единица речи имеет границу в виде действия, прерывается действием” [2].

Целенаправленная ориентация на конкретную аудиторию является неотъемлемым свойством публичной речи, позволяющим констатировать ее диалоговое начало. Даже если рассматривать речь оратора в качестве монолога, способного перейти в полноправный диалог, как правило, лишь по

окончании сообщения, то невербальная реакция аудитории превращает процесс публичной речи в диалог постоянный. Однако интенсивность диалога, границы его пространства, безусловно, регламентируются публичной речью. В целях уточнения границ публичной речи обратимся к ее основным категориям, признанным риторической традицией.

Публичная речь как общественный феномен получила признание еще в древнейших цивилизациях. И хотя устная форма ее существования не способствовала постоянной текстовой фиксации, о важности владения публичной речью свидетельствуют многие документы. Предметом же рассмотрения самостоятельной науки – риторики – публичная речь становится в Древней Греции, где, кстати, определяет высшую степень образованности граждан. В трудах великого аргументатора Парменида, автора диалогов Зенона, афористичного диалектика Гераклита, философов-просветителей Протагора и Горгия, профессиональных риторов Сократа, Платона и Аристотеля публичная речь приобретает категориальный аппарат, подтверждающий и утверждающий ее диалоговое начало. Диалог, возведенный к способу поиска истины, составляет этическую основу учения Сократа, получает совершенную форму в “диалоговых” образцах эристики Платона, служит материалом для исследования законов логики Аристотелю.

Представляя публичную речь одновременно процессуальным средством и результативным условием взаимодействия оратора и аудитории, Аристотель замечает, что речь слагается из трех элементов: “оратора, предмета, о котором он говорит, и лица, к которому он обращается” [3]. Иными словами, уже в учении Стагирита выделяется триада: отправитель речи – речь – получатель речи, ставшая в риторике классической формулой процесса публичной речи и положенная в основу всех созданных впоследствии моделей социальной коммуникации.

Исторический экскурс позволяет привести формулировку схемы Аристотеля, типичную для XIX века: “Говорящий, слушающий и предмет речи составляют весь круг человеческого слова” [4], и характерную для XX века конкретизацию процесса как “некой динамической системы управления, где в качестве управляющей подсистемы выступает оратор, а управляемой (через сообщение) – аудитория” [5].

Итак, ведущая роль оратора определяет его воздействие на аудиторию посредством публичной речи во всей совокупности ее характеристик, и в первую очередь, идейной, лингвистической и паралингвистической. Данное воздействие направлено на реальное или потенциальное изменение деятельности каждого слушателя, для чего, как отмечает А.А. Леонтьев, “мы стремимся “спровоцировать” поведение реципиента в нужном нам направлении, найти в системе его деятельности “слабые точки”, выделить управляющие ею факторы и избирательно воздействовать на них” [6].

Деятельность аудитории как получателя информации представляется через основные составляющие психического познавательного процесса:

слуховые и зрительные ощущения, внимание, восприятие, мышление, память; реакция же аудитории на сообщение принимает форму обратной связи, что предполагает воздействие аудитории на оратора и обусловливает состоятельность диалога. Иными словами, диалоговое взаимодействие оратора и аудитории реально обеспечивает процесс коммуникации, в котором предусмотрена смена ролей говорящего и слушающего.

Вместе с тем **диалоговое пространство** выходит далеко за рамки непосредственного взаимодействия коммуникантов, охватывая все фазы публичной речи – *побудительно-мотивационную, докоммуникативную, коммуникативную и посткоммуникативную или аналитическую.*

Побудительно-мотивационная фаза характеризуется комплексом потребностей оратора и мотивов его деятельности, направленной на достижение цели будущей речи. Организующими началами потенциального диалога здесь могут выступать, с одной стороны, убежденность оратора в общественной значимости идеи речи, возможность донести до слушателей новую научную мысль или реализовать потребность в общении с определенной категорией людей, с другой – запросы предполагаемой аудитории и ее информативные потребности.

Докоммуникативная фаза публичной речи представляет собой создание текста и непосредственную подготовку оратора к выступлению. Диалог же, при всей потенциальности, как бы копирует действительное взаимодействие коммуникантов, поскольку в рамках данной фазы происходит оценка оратором аудитории и объективных фоновых факторов, прогнозируется эффект речевого воздействия. Результативным итогом здесь является составленная на заданную тему с заданной целью для данной аудитории и в соответствии с конкретной обстановкой публичная речь.

Тем не менее, диалоговые претензии оратора относительно аудитории и условий произнесения подготавливаемого выступления носят вероятностный характер. В большей степени конкретна созданная им информационная модель сообщения (с учетом времени активного внимания и восприятия речи аудиторией, а также количества информации, которое слушатели в состоянии запомнить). Четко запрограммированными для реализации в процессе сообщения являются подобранные по теме материалы, композиционно-логическое и стилевое оформление речи.

Особую роль в организации диалогового пространства в процессе выступления играют речевые средства, при выборе которых оратор стремится не только объективно выразить в словах свои мысли и чувства, но и сделать это единственно целесообразным способом или во всяком случае выбрать из различных доступных ему возможностей речевого их выражения наиболее близкую к оптимуму. Данный выбор ограничен рядом требований, обусловленных спецификой публичной речи, соблюдение которых служит не только обеспечением диалога, но и условием превращения его в творческое общение коммуникантов.

Согласно учению Аристотеля, действие публичной речи зависит от трех моментов: нравственного характера говорящего, качества самой речи и настроения слушателей; содержание же и форма ее взаимообусловлены и через категории *этос, логос, пафос* предполагают обязательное соответствие идейных, этических и эмоциональных намерений говорящего выбранному им слову [3,7]. При этом альфой и омегой публичной речи остается ее основная мысль, а организующим началом – цель.

Цель публичной речи всегда комплексна и предполагает информативность и убеждение, в равной или превосходящей степени. Но и при равнозначности целей любая информация не становится пассивно-повествовательной, поскольку, пропагандируя знания, мы воздействуем на систему убеждения слушателей, а убеждая – информируем.

Этические требования к личности оратора с экстраполяцией на ораторскую речь традиционны. Они представлены категорией этоса у Аристотеля, дидасхолией у Цицерона: “Красноречие есть одно из высших проявлений нравственной силы человека... Но чем значительнее эта сила, тем обязательнее должны мы соединять ее с честностью и высокой мудростью; а если бы мы дали обильные средства выражения людям, лишенным этих достоинств, то не ораторами бы их сделали, а безумцам бы дали оружие” [8]; правилом оратора у А.Ф. Кони: нужно не лгать.

Этические требования распространяются на всю действительность процесса публичной речи и относятся к самому оратору, к межличностному взаимодействию говорящего и слушателей, к аудитории. Оратору и аудитории вменяется в обязанность соблюдение этических норм поведения (вплоть до внешнего вида), а их взаимодействие в процессе коммуникации, основанное, в первую очередь, на уважении, нацелено на создание той творческой дисциплины, которая, по мнению К.С. Станиславского, выступает непременным условием созидания [9]. Основная же этическая нагрузка ложится на оратора, несущего нравственную гражданскую ответственность за сказанное и на уровне истинности идейного содержания, и на уровне выбора языкового и паралингвистического оформления речи.

Этическое осмысление оратором идейного содержания полагает поверку речи на истинность, на правдивость, на соотнесение слова с поступком, на понимание самого акта публичной речи как поступка. Моделирование оратором смыслового поля слушателей, выбор и организация знаковых систем человеческого общения в соответствии с идейным содержанием речи также предусматривает этическое обоснование. Чувством такта руководствуется оратор при выборе речевых средств для конкретной аудитории; чувством меры определяет необходимое толкование используемых в речи понятий; этикетными формулами демонстрирует дружелюбный настрой к публике, тональностью и эмоциональным настроем речи подтверждает заинтересованность в слушателях и в раскрываемой теме.

Непосредственно риторическую организацию текста определяют в первую очередь личностные мотивы оратора при выборе главной идеи речи и понимании им сущности этой идеи, а также его умения подобрать вербальные и невербальные средства выражения главной мысли в соответствии с собственной интенцией и с учетом восприятия публичной речи слушателями. Этому способствует соблюдение таких требований, как информативность, точность, ясность, экономичность, уместность, богатство и чистота речи (идейная оправданность употребления всех "инородностей", недопустимость канцеляризмов, слов-паразитов и неологизмов невысокого уровня), правильность, благозвучие и речевой этикет [10,11].

Действенность публичной речи, эмоциональный и логичный диалог обеспечивается оратором при соблюдении им требований адресации, авторизации, выразительности и последовательности; последнее, будучи обусловленным, с одной стороны, "логикой рассуждения", с другой – "логикой получателя", представляет собой собственно "логику изложения". Вместе с тем, как замечает А.А. Леонтьев, "логичная речь с точки зрения слушателя – та, логика которой доступна ему, слушателю" [12]. Отсюда требования определенности, нарушение которого может привести к подмене тезиса или софизму, непротиворечивости, обоснованности и аргументированности, причем допустимые в речи аргументы подразумевают как языковое, в том числе "язык цифр", так и кинесическое выражение. Заметим, что аргументация здесь носит ограничения этического плана (достаточно вспомнить "первый в истории мироздания междупланетный шахматный конгресс", обещанный Остапом Бендером васюкинцам).

Завершающим этапом данной фазы является репетиция, которая имеет немаловажное значение для дальнейшего реального диалога, поскольку способствует уверенности оратора в собственной коммуникативной состоятельности.

Коммуникативная фаза публичной речи – ее произнесение перед аудиторией – является ключевой относительно интенсивности реального диалога и центральной относительно его пространства. Воздействие оратора на аудиторию, помимо собственно публичной речи, предполагает обнаружение его личностных качеств, и, прежде всего, глубокого переживания общения со слушателями. Особой оценке аудитории подлежат зрительно воспринимаемые: внешность, манеры, поза, мимика и жесты выступающего. Как "по одежке", слушатели судят об уважении к себе по его манерам, о доверии – по позе, о желании и важности быть понятым – по сопутствующим речи мимике и жестам.

Главным средством воздействия оратора на аудиторию остается звучащая речь – во всей палитре компонентов звучания: от силы голоса и дикции оратора до темпо-ритма. Звучащая речь опосредует информационно-содержательное воздействие, которое целесообразно рассматривать в комплексе с языковым, поскольку эффект речи достигается, с одной

стороны, ее композиционными особенностями, с другой – различными языковыми средствами. Относительно языкового выражения речи как средства воздействия на аудиторию необходимо отметить, что для достижения цели оратора в равной степени важны и словесно-логические, и эмоционально-экспрессивные речевые элементы, предъявляемые в процессе выступления только "с разрешения этики".

Одновременно с ораторским процессом говорения происходит сложный психологический процесс восприятия речи аудиторией. В нем, по мнению специалистов, участвуют все анализаторы мозга, поскольку слушатель одновременно воспринимает звучащую структуру речи в ее звуковом и интонационном оформлении, собственно языковую структуру – лексико-грамматическую, соотносимую с представлением о хорошей и правильной речи; информационную, содержательную структуру, оцениваемую с точки зрения новизны, важности, правдивости и научности; логическую – органическую связь частей и законченность каждой и текста в целом, а также психологическую действенность речи – яркость иллюстративного материала, соответствие его интересам слушателей, убеждающую силу и, кроме того, показатель образованности, культуры, знаний самого оратора [13].

Реакция на воспринятое служит приглашением к диалогу. Обратная связь в системе "оратор – аудитория" имеет несколько разновидностей, основные из которых отрицательная и положительная, внешняя и внутренняя, линейная и нелинейная [5,13]. В случае положительной обратной связи оратор, наблюдая за аудиторией, отмечает благоприятную реакцию и "вычитает" полученную информацию из своего задания; при отрицательной же, напротив, усиливает воздействие, чтобы достичь желаемого эффекта. Внутренняя обратная связь заключается в сравнении речи с заданием (очень часто звуковая речь намного отличается от замысла); внешняя – в сопоставлении задания с поведением аудитории.

Линейная обратная связь содержит реплики и вопросы слушателей, нелинейная ограничивается поведенческой реакцией слушателя, его позой, мимикой, жестами. В таком диалоге, где речь корректируют реплики, улыбка, кивок головой в знак согласия, выражение интереса в глазах или пожимание плечами и отсутствующий взгляд, возможна и следующая ситуация. Коммуникативные связи оказываются настолько сильны (особенно, когда оратор стесняется аудитории), что нарушают нормальную работу механизма речи, и она становится сбивчивой, путаной. "В таких случаях коммуникативные обратные связи "забивают" слуховую, оратор почти не слышит и с трудом осознает, насколько скверно он говорит" [13].

Завершающий этап коммуникативной фазы публичного выступления предполагает диалектику социально-ролевых диалогов; смена ролей говорящего и слушающего обычно принимает вид вопросов и ответов.

Неотъемлемыми компонентами процесса публичного выступления, влияющими на состоятельность диалога коммуникантов, выступают объективные фоновые факторы места, времени, обстановки и условий, среди которых особую роль играют расстояние и время речевого общения. Вообще факторы "восприятия и использования человеком пространства" являются предметом изучения специальной научной области – проксемики [14].

В зависимости от расстояния используются невербальные компоненты визуального взаимодействия субъектов в процессе речи. Известно, что говорящий часто уменьшает дистанцию со слушателями в целях создания "эффекта доверия", обеспечения большей "открытости". При определении оптимальной дистанции общения имеют значение характер взаимоотношений с аудиторией, социальный престиж выступающего, содержание речи и т. д. Велика и амплитуда зависимости процесса публичной речи от времени суток и регламента сообщения.

Посткоммуникативная, или аналитическая фаза публичной речи вскрывает временную неограниченность диалога. Специфика этой фазы заключается в том, что она может начаться либо сразу вслед, либо спустя некоторое время после предыдущей коммуникативной, являясь как бы продолжением общения. В период этой фазы оратор анализирует свою речь, особенно ее удачные и неудачные моменты, а слушатели возвращаются к запомнившимся положениям речи, анализируют их более глубоко и подробно, оценивают, а затем выборочно усваивают, изменяя (возможно) при этом некоторые жизненные установки.

Что касается диалогового пространства, то оно ограничивается всеми фазами публичной речи для оратора и последними двумя для аудитории. Масштабность диалогового пространства обусловливается публичной речью в ее концептуальной завершенности как феномена коммуникации.

Примечания

1. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. С.77.
2. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1999. С.230.
3. Античные риторики. / Пер. Н. Платоновой. М., 1978. С. 24; 72.
4. Толмачев Я.В. Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия.: В 4 ч. СПб., 1814. Ч.4. С. 73.
5. Ножин Е.А. Проблемы теории публичной речи.: Афтореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974. С. 12; 42-43.
6. Леонтьев А.А. Психология общения. М., 1997. С. 273.
7. Аристотель. Риторика. Поэтика. / Пер. О. Цыбенко и В. Аппельрота. М., 2000. С. 202-210.
8. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 215.
9. Станиславский К.С. Этика. М., 1981. С. 45.
10. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1980.
11. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Секреты хорошей речи. М., 1993.
12. Леонтьев А.А. Психологические механизмы и пути воспитания умений публичной речи. М., 1972. С. 31.
13. Касаткин С.Ф. Обратная связь в устном выступлении. М., 1984. С. 25; 18; 29.
14. Вальсинер Я., Миккин Х. Невербальная коммуникация в диодах. // Уч. записки. Тарту: Тартусский ун-т, 1974. Вып. 335. Труды по психологии. № 3. С. 110-127.

Н.К. Кваша

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

Язык современной прессы (особенно газет) является своего рода лабораторией, где возникают, апробируются и фиксируются наиболее активные и динамичные процессы, характерные для русского языка в условиях новых коммуникативных потребностей. Можно сказать, что именно в этой области многие единицы и явления языка приобретают статус элементов «языка культуры», т.е. начинают выражать, помимо собственной языковой семантики, культурно значимую – ценностную, эмоционально-экспрессивную, эстетическую и т.п. информацию.

К числу наиболее важных носителей такой информации в языке этноса относятся устойчиво воспроизводимые сочетания. В их состав, по данным сборника «Фразеография – 90», входят: идиомы, устойчивые сочетания, паремии, крылатые выражения, речевые штампы и клише [1]. В последнее время ученые говорят также о «прецедентных текстах», т.е. о текстах, имеющих «сверхличностный характер» и хорошо известных в языковом обиходе социума [2] – они вводятся в дискурс, как правило, цитатой (или названием произведения). Все указанные единицы в данной работе мы называем «устойчивыми сочетаниями».

Поскольку устойчивые сочетания по своей природе ориентированы не на прямую номинацию, а на передачу эмоционально-экспрессивной и ценностной позиции говорящего по отношению к миру, особенности их функционирования в языке средств массовой информации могут свидетельствовать об определенных тенденциях в жизни общества.

Все это можно отнести и к использованию устойчивых сочетаний в заголовках современных газет. Заголовок газетной статьи выполняет три базовые функции: назывную, информативную и рекламную [3]. Помимо этого, можно говорить также о функции экспрессивной и апеллятивной (оказание определенного воздействия на читателя). Одним из источников средств выразительности является апелляция заголовка к культурному фонду читателя, т.е. к «языку культуры», чему немало способствует использование в нем устойчивых сочетаний.

По нашим наблюдениям, способом актуализации культурного фонда в языковом сознании читателя является не столько использование устойчивого сочетания «в готовом виде» (где экспрессия может быть стертой), сколько его определенная трансформация [4]. В данной статье предпринята попытка исследования лингвистического механизма подобной актуализации, выявления наиболее активных приемов семантических преобразований устойчивых сочетаний, определения «инвентаря» средств, превращающих единицы общенародного языка в единицы «языка культуры».

Материалом для рассмотрения типов семантических преобразований устойчивых сочетаний послужили заголовки газеты «Нижегородская правда» за 1999 год, отражающие наиболее характерные семантические процессы освоения языковых клише и стандартов современными СМИ.

Парадигматический аспект семантических преобразований устойчивых сочетаний в заголовках

Наиболее распространенным типом семантических преобразований устойчивых сочетаний в парадигматическом аспекте является *субституция* – замена одного из элементов устойчивого сочетания на другой. Применительно к единицам разных уровней языка, видимо, имеет смысл говорить и о разных видах субституций, хотя в литературе в основном рассматривается только лексическая субституция.

При *лексической субституции* варьируемые лексические компоненты могут быть как синонимичными, так и принадлежащими к одному семантическому полю, между ними могут устанавливаться гипер-гипонимические, антонимические, метонимические, метафорические и даже паронимические отношения [5].

Так, нами обнаружены следующие случаи *синонимической* замены: *Моя **судьба**, мое богатство (80; 20.07)* [вместо *года]; На простор **морской** волны (109; 25.09) [вместо *речной]; Никто не хотел **уходить** (27; 11.03) [вместо *умирать].*

Возможна и *двойная* синонимическая субституция: ***Голос до столицы** доведет (132; 20.11.) [вместо *язык до Киева]; Рады бы в рай, да **пороки мешают** (32; 23.03) [вместо *грехи не пускают].*

Нередко синонимическая субституция сопровождается явлением *дефразеологизации*, которая наступает, когда компоненты (или один из компонентов) устойчивого сочетания приобретают полную семантическую самостоятельность и преобразуются в слова с отвлеченным системным значением [6]. В примере: *И в **дом** горящий войдет (25; 04.03) [вместо *избу]* – речь действительно идет о пожарных. Ср., например: ***Крестьян** на мякине не проведешь (68;22.06); **А на обед** – жареный петух (138; 4.12).* Очевидно, что в подобных случаях происходит и смысловой сдвиг – поэтому можно говорить о *лексико-семантической* субституции.

Однако наиболее интересными с точки зрения функционирования «языка культуры» являются случаи контекстной синонимической замены в устойчивом сочетании; понятия, сближаемые в «культурном пространстве» сегодняшнего общества в ожидаемой для данной идиомы позиции, свидетельствуют о коллективной оценке социумом определенных явлений действительности: *Ставка больше, чем **власть** (53; 15.05) [=*жизнь]; **Коммерсанту** закон не писан (114; 07.10) [=*дураку].*

---

* В статье приняты следующие обозначения газет: первая цифра – номер выпуска, вторая и третья после точки с запятой – число и месяц выпуска.

Близки к синонимической субституции примеры мены слов одной *тематической* группы: *Запрягай-ка тройку* ***борзых*** *(83; 27.07)[вместо *кони]; Что тебе снится,* ***подводная лодка****? (77; 13;07) [вместо *крейсер «Аврора»]; Не* ***сыром*** *единым (143; 18.120 [вместо *хлебом].* Довольно активно такие типы трансформаций используют географические реалии: *От* ***Владимира*** *до самых до окраин (78;15.07) [вместо *от Москвы]; Из* ***Сербии*** *– с любовью (134; 25, 11) [вместо *из России]; Вьетнам! Как много в этом слове… (23; 27.02) [вместо *Москва].*

Встречаются и другие случаи лексической субституции семантически близких компонентов устойчивого сочетания. Например, гипероним-гипонимические замены: *Каждому овощу – свой* ***час*** *(14; 06.02) [вместо *время].* Метонимические: *Истина –* ***в бутылке*** *(7; 21.01) [вместо *в вине].* Количественно-градационные: ***Семь лет*** *спустя (10; 28.01);* ***Двенадцать лет*** *спустя (11; 30.01)[вместо *двадцать/десять лет спустя]* – или: *Что* ***век*** *грядущий нам готовит (110; 28.09); Что* ***год*** *грядущий нам готовит (139; 07.12) [вместо *день].*

Обратный случай – *антонимическая* субституция, при которой происходит актуализация свободных значений подменяемых в устойчивом сочетании слов: *«Пенсионер» с характером (79; 17.07) [↔ *девушка];* ***Капитализм*** *с человеческим лицом (140; 09.12) [↔ *социализм]; Это* ***горькое*** *слово – свобода (127; 06.11) [↔ *сладкое];* ***Овечка*** *в тигровой шкуре (128; 11.11) [↔ *волк].* Представляется, что именно случаи антонимической замены являются главным источником образности и экспрессии при наделении трансформированного устойчивого сочетания новым «культурно значимым» смыслом.

Имеют место случаи подстановки однокоренных слов, при которых задействован уже другой, словообразовательный уровень языка: ***Зернышко*** *истины (127; 06.11) [вместо *зерно].* Нетрудно заметить, как оценочный суффикс обращает общий смысл исходного сочетания в нечто ему противоположное, используя эффект «языковой игры». Здесь можно говорить о *словообразовательной* субституции.

В наших материалах есть случаи *паронимической* субституции, основанные на явлении «паронимической аттракции», по В.П. Григорьеву [7], – на сближении исходного и нового компонента по звучанию: ***Планетарии*** *всех стран, соединяйтесь! (81;22.07) [вместо *пролетарии]; Из зала –* ***сюда!*** *(114; 7.10) [вместо *суда]; Таблица* ***унижения*** *(100;04.09) [вместо *умножения];* ***За вино*** *виноватые (130; 16.11) [вместо *без вины]; От нашего* ***села*** *к вашему* ***селу*** *(55;29.05) [вместо *стола/столу];Неистовый* ***Илларион*** *(19; 18.02)[вместо *Виссарион].* К подобным случаям примыкают и субституции, основанные на *парономазии* – сближении не только по звуку, но и по смыслу: *Моя* ***полиция*** *меня бережет (63;08.06) [вместо *милиция].* Паронимическая субституция интересна тем,

что она активизирует не только смысловой, но и фонетический образный арсенал языка, становясь неиссякаемым источником «языковой игры» в заголовках.

Все проанализированные примеры объединяет наличие *семантической или звуковой близости* между исходным и новым компонентами. Однако большинство случаев замены компонентов устойчивых сочетаний в заголовках указанным свойством не обладают, и это является магистральной тенденцией в парадигматических преобразованиях устойчивых сочетаний в заголовках. Ср.: *Я к компьютеру пришел: пусть меня научат (58; 27.05).*

Поэтому считаем возможным говорить о расширении понятия лексической субституции, включая в него любую замену исходного компонента на новый при неизменности самой модели устойчивого сочетания (она легко идентифицируется в качестве таковой носителем языка). Например: ***Общественник коммерсанту*** *рознь (78;15.07).* Или: ***Работа лесника*** *не терпит суеты (106; 18.09) [вместо *служенье муз]; **Депрессию** осилит идущий (131; 18.11) [вместо *дорогу]; И на «**Филипс**» бывает проруха (106;18.09) [вместо *на старуху]; Луч света в **теневой экономике** (10; 28.01) [вместо *в темном царстве]; **НАТО** правит бал (55;20.05) [вместо *сатана там]; Время собирать **чемоданы** (108;23.09) [вместо *камни]; На **спасателей** надейся (56;22.05) [вместо *на Бога]; **На ринге** только девушки ((42; 15.04) [вместо *в джазе].*

Здесь тоже возможна дефразеологизация. Ср.: *Мал **клуб**, да дорог (41; 13.04) [вместо *золотник]* – когда речь действительно идет о клубе.

Как правило, клише готовых устойчивых сочетаний используются для обозначения реалий новой жизни – иногда при этом могут сталкиваться содержание исходного клише и новый смысл: *Только тех, кто любит труд // **Бизнесменами** зовут (25; 04.03) [vs. *октябрятами]; На **рынок** надейся, а сам не плошай (100; 04.09); [vs. Бога]; **Кризис** строить и жить помогает (54; 18.05) [vs. *песня]; Отец **добывает**, а сын **продает**? (7; 21.01)* и т.д.

Апелляцию к «культурному фонду» читателя поддерживает и полное сохранение ритмической организации устойчивого сочетания при его трансформации: ***Метрострой**: скорее жив, чем мертв (72; 01.07) [вместо *пациент]; Иван Васильевич меняет **тематику** (45; 22.04) [вместо *профессию]; Очарованный **зритель** (22; 25.02) [вместо *странник]; С миру по **метру** (41; 13.04) [вместо *по нитке]; Дом, который построил **мэр** (41; 13.04) [вместо *Джек],* особенно если используются строки из «прецедентных текстов» поэтического характера: *Во глубине **холодных волн** (83; 27.07) [вместо *сибирских руд]; **Партийцем** можешь ты не быть... (99; 02.09) [вместо *поэтом]; У **путейцев** собственная гордость (22; 25.02) [вместо *советских]; Мы за ценой не **поспешим** (2; 06.01) [вместо *не постоим]; Чуть помедленнее, **цены**! (4;14.01) [вместо *кони]; Что **КЗОТ***

*грядущий нам готовит? (78;15.07) [вместо *день]; Выдь на* ***сцену****: чей стон раздается? (72;01.99) [вместо *Волгу].*

В случае использования не одной, а нескольких строк «эффект узнавания» усиливается: ***Искусство*** *бывает кусачим // Только от жизни собачьей (23; 27.02) [вместо *собака]; А вы в ноктюрн сыграть смогли бы // На флейте* ***проржавевших*** *труб? (71;29.06) [вместо *водосточных]; На Волге широкой,// На* ***Рейне*** *далеком ((59; 29.05) [вместо *стрелке].*

Активность подобных субституций в заголовках подтверждается наличием целых *серий* однотипных преобразований: *Не* ***прибылью*** *единой… (126; 04.12) = Не* ***пепси*** *единой (112; 02.10) [вместо *хлебом]; А у нас* ***сегодня*** *газ… (145; 23.12) = А у нас –* ***дороже*** *газ (1; 05.01) [вместо *в квартире];* ***Минеральные*** *реки –* ***криминальные*** *берега (24; 02.03) =* ***Шоколадные*** *реки,* ***конфетные*** *берега (38; 06.04) [вместо *молочные/кисельные];* ***Музеи региона****, соединяйтесь! (14; 06.02) =* ***Смирновы*** *всех стран, соединяйтесь! (41; 13.04) [вместо *пролетарии].*

В ряде случаев формальной замены лексического компонента не происходит: вместо этого в семантическом преобразовании может быть задействована *омонимия* нарицательного и собственного имени: *Кто в «****Теремочке****» живет… (128; 11.11); «****Надежда****» юношей питает (4; 13.02); Шел под этим «****Знаменем****» (18; 16.02).* В таких случаях можно говорить о *семантической* субституции.

Иногда субституции подвергается целая предикативная часть оборота или ее фрагмент, что позволяет рассматривать подобные явления в качестве *синтаксической* субституции: *Лес рубят –* ***в Европе слышно*** *(107;21.09) [вместо *щепки летят]; Работа не волк,* ***но найти ее все труднее*** *(10; 28.01) [вместо *в лес не убежит];* ***Лак и краску доставать*** *учат в школе, учат в школе, учат в школе… (39.08.04) [вместо *малышей не обижать].*

Наш материал позволяет расширить границы понятия *субституции* и вывести его за пределы чисто лексических явлений. Тем более это справедливо для случаев, когда парадигматической трансформации подвергается не сама лексема (или группа лексем) как компонент устойчивого сочетания, а лишь ее (застывшая в данном обороте) грамматическая форма. Ср. *Без вины* ***виноватый*** *(84;29.07); О чем звонят* ***колокола*** *(84;29.07); И все* ***они звались*** *– Татьяна (129; 13.11);* – где трансформируется категория числа исходного компонента; *Знания –* ***силой*** *(27; 11.04)* – трансформации подвергается категория падежа существительного. Аналогично могут преобразовываться разные глагольные категории (наклонение, время, вид): ***Рубили*** *сук, на котором* ***сидели*** *(28; 13.03); Дороги, которые мы* ***выбрали*** *(58; 27.05); Надежда* ***умрет*** *последней (32; 23.03);* ***Спасают*** *наши души (146; 25.12).* Очень распространенные случаи – мена лица (и числа) исходного местоимения: *Гляжусь в* ***себя****, как в*

зеркало… (80; 20.07); Гори, сияй, ***его*** *звезда (19; 18.02);* ***Им*** *сверху видно все… (38; 06.04); Этот стон у* ***нас*** *песней зовется… (145; 23.12).*

Возможны преобразования синтаксической структуры – например, из обычного простого предложения в парцеллированную придаточную часть с семантикой цели: ***Чтобы*** *нашего полку прибыло (4;14.01);* ***Чтоб*** *за державу не было обидно (44; 20.04);* из сочинительной противительной конструкции в соединительную: ***И*** *у нас в квартире газ (6; 19.01).*

Нетрудно заметить, что «игра», основанная на грамматических средствах, не в меньшей степени, чем на лексических обладает значительным потенциалом образности и выразительности. В подобных случаях можно говорить о *формально-грамматической* субституции. Причем общая тенденция семантических преобразований здесь не нарушается: если видоизменяется хотя бы форма одного из компонентов, он уже осознается как самостоятельный элемент системы языка с полноценной парадигмой (лексикализация грамматической формы утрачивается, и клише все равно разрушается).

В некоторых случаях можно говорить о совмещении субституций разных типов (синкретизме). Например: *Готовься к* ***сезону*** *летом (84; 29.07)* – совмещаются формально-грамматическая (залог глагола) и лексическая (слово сезон вместо *сани) субституции.

Синтагматический аспект семантических преобразований устойчивых сочетаний в заголовках

Преобразования устойчивых сочетаний данного типа связаны прежде всего с окказиональным изменением их состава, реализующим сочетательные возможности составляющих их компонентов.

Одним из наиболее активных структурно-семантических процессов в этом плане является *распространение* одного или нескольких компонентов устойчивого сочетания, актуализующее их образный, оценочный, экспрессивный потенциал.

Распространению подвергаются отдельные слова устойчивого сочетания, тем самым приобретающие лексико-грамматическую самостоятельность: *Вершки криминальные, корешки экономические (42; 15.04); Зеленый змий пошел в отходы (61;03.06); Больше трех шкур с живого не содрать (73; 03.07).*

При этом также возможно и явление дефразеологизации: *Фирма «Квант» веников не вяжет (15; 09.02)* – речь идет на самом деле о конкретной фирме. В примере: *Зерно, как и цыплят, по осени считают (74; 06.07)* дефразеологизация обеспечивается тем, что ключевое слово исходного сочетания в сочетании трансформированном убирается в сравнительный оборот, а ключевым становится существительное в прямом номинативном значении.

Могут распространяться устойчивые сочетания в целом: *Унесенные ветром, но не оборвавшие корней (126; 04.11); Долговая яма: хорошо сидим (3; 12.01); Налог с продаж – палка о двух концах (11; 30.01).*

Подобное распространение может пунктуационно оформляться как самостоятельное предложение – тогда мы имеем дело с парцеллированной конструкцией: *Отцы и дети. Не по Тургеневу (56; 22.05).* Пример любопытен тем, что семантика парцеллята опровергает исходную семантику сочетания, входя с ней в контрадикторные отношения.

Распространение иногда сопровождается видоизменением одного из компонентов (формально-грамматической субституцией): *Наша медицина: шаг – вперед, **но ни шагу назад** (27; 11.04) [вместо *два шага назад].*

Не менее активен и обратный тип синтагматического семантического преобразования устойчивого сочетания – *элиминация (усечение)* одного из его компонентов. Выпущенный фрагмент «опускается» в имплицитную, невербализованную часть устойчивого сочетания, чтобы задействовать собственно читательский культурный фонд.

Может быть выпущено отдельное слово: *[*Держать] Нос по ветру (83; 27.07); И [*положить] зубы на полку... (143; 18.12).* Усечение иногда сопровождается дефразеологизацией: *Будет [*и] на [*нашей] улице праздник! (114; 07.10)* – о празднике на одной из городских улиц.

Однако чаще всего выпускается целый фрагмент, как правило, соотносительный по структуре и ритмической организации, что облегчает читателю идентификацию исходной модели: *Как аукнется [*так и откликнется] (76;10.07); Свой среди чужих [*чужой среди своих] (110; 28.09); На бога надейся... [*а сам не плошай] (71; 29.06); Кому много дано... [*с того многое спросится] (33; 25.03); Бойтесь данайцев!.. [*и дары приносящих!] (138; 4.12); ... Если нельзя, но очень хочется... [*то можно] (53;15.05).* Подобные случаи могут подкрепляться и ожидаемой рифмой: *А у нас сегодня газ... [*А у вас?] (145; 23.12).*

Как правило, выпускаются срединный или конечный фрагменты; но возможны случаи элиминации и инициального фрагмента: *[*Поэтом можешь ты не быть,] Но гражданином быть обязан (104;14.09).*

Элиминация может сопровождаться перестройкой исходной модели (вплоть до изменения семантики сочетания на противоположную): *Закон **не** [вместо *что] дышло.... (67;19.06).*

Иногда два эти противоположных типа преобразований – распространение и усечение – могут совмещаться в одном высказывании: *Кадры все-таки решают [добавлено *все-таки, выпущено *все] (20; 20.02); За стоматологом нужен глаз [добавлено * за стоматологом, выпущено *...да глаз] (75; 08.07).* Процессы сопровождаются очевидной дефразеологизацией: *Человек человеку... Кто? (78;15.07)* – очевидное усечение, поддерживаемое пунктуацией – многоточием, сопровождается

приращением – парцеллятом (*Кто*?), что создает внутреннюю динамику в трансформированном сочетании, которая усиливается вопросительным регистром.

Надо сказать, что подобные типы синтагматических преобразований ориентированы на неэксплицитное использование «культурного потенциала» клишированных форм, т.е. на собственно прагматику «языка культуры».

Другие типы семантических преобразований не столь частотны, тем не менее достаточно полно характеризуют тенденции функционирования устойчивых сочетаний в языке современных газет: *перестройка синтаксической структуры* сочетания, например, переход от отрицательной конструкции к утвердительной: *Против лома* ***есть*** *приемы (83; 27.07); Нам* ***есть*** *где взять такую песню (4; 14.01); Что имеем –* ***сохраним*** *[вместо *не храним] (106;18.09); Овчинка* ***стоит*** *выделки (147; 25.12)*; обратный переход – от утвердительной конструкции к негации: *Света в конце тоннеля* ***нет*** *(103;11.09);* ***Не*** *одинокий голос человека (115; 9.10); Лес рубят, а щепки* ***не*** *летят (52; 13.06).* Может сопровождаться усечением: *[*Кто к нам с мечом пришел…] От меча не погибнет (114; 07.10).*

Подобный тип преобразований важен тем, что трансформированные обороты, вступая в антонимические отношения с исходным сочетанием, не только актуализуют стершуюся образность и активизируют «культурный фонд» читателя, но и повышают суггестивные и апеллятивные возможности изучаемых единиц.

Противоречивость и неоднозначность процессов в области функционирования устойчивых сочетаний в заголовках иногда приводит к появлению сложных случаев взаимодействия синтагматических и парадигматических отношений в процессе семантического преобразования.

Например, *изменение порядка слов* сопровождается лексической субституцией: *Все перетрут* ***леченье*** *[вместо *терпенье] и труд (64-65; 10.06).* Непривычный порядок слов также служит аттрактивности, к тому же он небезразличен и к актуальному членению предложения.

Контаминация двух устойчивых сочетаний в одно осложняется распространением первого из контаминированных сочетаний: *[I] ЖЭКу доверяй, [II] но и сам не плошай (53; 15.05) [*Доверяй, но проверяй + *на Бога надейся, а сам не плошай].*

Метатеза (перестановка) двух компонентов устойчивого сочетания объединяется с формально-грамматической субституцией – мена лица и числа глагола, а также и с изменением цели высказывания исходного сочетания – с утвердительности на вопросительность: *Что пожнем, если посеем? (48; 29.04)* . Перестановка также сопровождается и дефразеологизацией – речь идет о судьбе урожая.

Стяжение двух противоположных компонентов устойчивого сочетания *[*По одежке встречают, по уму провожают]* в одно с последующей лексической субституцией: ***По имиджу*** *[*=по одежке(?)] встречают и провожают (16; 11.02)*

Прагматические преобразования устойчивых сочетаний в заголовках

«Этот тип … подразумевает точное воспроизведение клише, но в необычных условиях. Необычность условий может заключаться в нестандартности контекста или нестандартности речевой ситуации, каких-то экстралингвистических обстоятельств. Т.е. контекста в широком смысле слова» [8]. В нашем случае это может выражаться в изменении интенциональности (цели высказывания) или модальной рамки, в переакцентуации высказывания и т.д.

Самый распространенный тип – перевод утвердительного регистра в вопросительный, который вызывает внутреннее противоречие между заложенной в исходном и полученной в трансформированном сочетаниях установкой: *Дети подземелья? (71; 29.06); Нет пророка в своем Отечестве? (66; 17.06); Наши жены – пушки заряжены? (157; 25.05); У страха глаза велики? (3; 12.01); Третий лишний? (47; 27.04).*

«Игра» на актуальном членении предложения, поддерживаемая пунктуацией – интонационно-выделительным тире: *Дан приказ – **ему** на запад (84; 29.07)* – при этом происходит перестановка логического акцента с *Запада* на *ему,* и меняется, соответственно, общий прагматический фон всего высказывания.

Разбиение аутентично единого устойчивого сочетания на два (посредством парцелляции): *«Я вас люблю». Чего же боле? (26; 06.03)* – приводит к возникновению двух позиций (точек зрения), вступающих во внутренний диалог друг с другом.

Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что в языковом сознании социума реально существуют модели устойчивых сочетаний как элементы его «языка культуры». Это подтверждается хотя бы тем фактом, что при трансформации устойчивого сочетания читателю совсем не важно его конкретное лексическое наполнение. Трансформированное сочетание может весьма и весьма отдаляться по содержанию от прототипического, но при этом его источник будет все равно безошибочно распознаваться носителем языка за счет своего рода «культурной памяти».

Об этом же свидетельствует и существование оборотов, построенных по типу устойчивых сочетаний, но которые ни к каким конкретным первоисточникам не восходят; прототипично здесь не само исходное устойчивое сочетание, а лишь модель его построения (по типу паремии): параллелизм, антитеза, анафора и т.д. Ср., например: *Проблемы югославские, смекалка нижегородская (83;27.99); Фирмы – крестьянам, а ссуды – селянам (19; 18.02); Мебель итальянская, сосна – воскресенская (58; 27.05);*

Дело ясное, что дело темное (85; 31.07); Каков подход – таков приплод (113; 05.10); Муку молоть – не ерунду пороть (132;20.11).

В этом плане весьма симптоматична мысль, высказанная В.Г.Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой [9], о том, что «прецедентными» (т.е. значимыми в данных культурных координатах) бывают не только сами тексты, но и, к примеру, стихотворные размеры, строфы, эталонные образцы ритмической организации речи, ораторские приемы и пр.

Примечания

1. Фразеография в Машинном фонде русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1990. С.5-7.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 216.
3. Шипулина Г.И. Экспрессивность заголовков // Русская речь. 1978. №1. С. 75.
4. Кваша Н.К. Устойчивые сочетания в газетном заголовке: разрушение клише как специальный прием // Язык. Речь. Речевая деятельность: Сб.научн.трудов. В III частях.Нижний Новгород, 2000 Ч.I.
5. Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи. Тула, 1995.
6. Жуков В.П. Русская фразеология. М., 1986.
7. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986.
8. Кронгауз М.А. Речевые клише: энергия взрыва // Лики языка: Сб.научн.трудов. К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. М., 1998. С. 189.
9. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. М., 1996. С. 301.

Е.А. Кожемякова

ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА: К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Большое значение системного подхода к языку вообще и к его лексико-семантическому уровню в частности общепризнано, причем весьма важным представляется системное изучение языка именно в диахроническом аспекте: "системно-историческое изучение лексики русского языка ... представляет собой давно назревшую проблему, раскрытие которой позволит прояснить многие нерешенные вопросы русистики, славяноведения и общего языкознания" [1]. Системный подход, безусловно, необходим и в изучении эволюции семантики цветообозначений.

Проблемы системного описания цветообозначений достаточно давно привлекают внимание исследователей. Значительный вклад в изучение семантической структуры цветообозначений внесли исследования Р.В.Алимпиевой [2,3,4]. Особенности семантики древнерусских цветообозначений, выявленные на основе анализа их употребления в памятниках различных жанров, описаны в работах Н.Б. Бахилиной, В.В.Колесова [5,6,7]; М.В. Пименовой [8,9]. Однако описание целостной системы и ее развития не являлось специальной задачей этих исследований.

Более глубокая древность (индоевропейские и общеславянские праформы цветообозначений) затрагивается авторами лишь эпизодически. Достаточно подробно этот вопрос рассмотрен М.А. Суровцовой [10], однако ее подход к семантике древних праформ современен: группы общеславянских цветообозначений выделяются по признаку 'цветовой тон', тогда как "историческая характеристика значений слова не может основываться на современном восприятии его семантики" [11].

Для системного описания семантики цветообозначений применялся и метод компонентного анализа, обеспечивающий конкретность, наглядность и доказательность исследования; предлагались различные семантические компоненты (СК), в том числе 'тон', 'насыщенность' и 'яркость'. Однако само стремление выделить в значении цветообозначений какие-либо структурные компоненты часто подвергалось критике, что было связано отчасти с тем, что многими учеными вообще отрицалась необходимость изучения структуры конкретной лексики. Высказывалось мнение, что системность ее обусловлена не языковыми факторами, а системой выражаемых понятий, системой денотатов. Однако Д.Н. Шмелев убедительно доказал, что "вряд ли целесообразно заранее отказываться от рассмотрения каких-то лексико-семантических связей только на том основании, что они обусловлены реальными связями обозначаемых данными словами предметов и явлений" [11]. Подтверждением этого стала работа Ж.П. Соколовской "Система в лексической семантике", в которой компонентному анализу были подвергнуты, наряду с прилагательными других лексико-семантических групп (ЛСГ), и цветообозначения. Однако в этом исследовании анализ велся лишь в синхроническом плане, описание этапов становления системы не входило в задачи автора.

Не ставилась под сомнение системность "имен цвета" и Р.М.Фрумкиной, применившей в работе "Цвет. Смысл. Сходство" психолингвистический подход к исследованию цветообозначений. Рассуждения автора очень убедительно приводят к выводу о несовпадении научной и языковой картины мира цвета, что является сильным аргументом, оспаривающим мнение ученых, считающих системность цветообозначений отражением системности называемой ими предметной области. Необходимость поиска этой языковой системы, таким образом, является очевидной. Однако Р.М. Фрумкина заняла особенно критичную позицию в отношении компонентного анализа цветообозначений, отрицая возможность их системного описания с помощью СК 'тон', 'яркость' и 'насыщенность', так как эти термины пришли в лингвистику из цветоведения и их значение не полностью совпадает с тем, что вкладывает в эти понятия "наивный" носитель языка [12].

Поставив под сомнение релевантность цветоведческих терминов "тон", "яркость" и "насыщенность" для системы языка, Р.М. Фрумкина, на наш взгляд, слишком категорично отвергает и саму возможность найти какие-

либо компоненты значения цветообозначений. Она предлагает считать значение имени цвета целостностью [12].

Такой подход, по нашему мнению, не учитывает наличие в языке различных уровней: уровня языковой абстракции, уровня общепринятого употребления и уровня индивидуального употребления, которые Ж.П.Соколовская предлагает называть соответственно "структурой", "нормой" и "индивидуальной речью". Смысл ЛСВ цветообозначений, как и любых других слов, не членится на компоненты на уровне нормы, где "он - предел при описании лексического значения" [13]. Однако на уровне языковой абстракции происходит "расщепление" смысла, выделение в нем семантических компонентов или сем" [13], которые образуют "смысловую структуру" значения слова. И прилагательные-цветообозначения в этом отношении не являются исключением.

Мы не можем полностью согласиться и с точкой зрения А.Н. Шрамма, исследователя семантики качественных прилагательных, считающего, что значение цветовых прилагательных элементарно, что выделение компонентов в его структуре возможно, но они будут указывать лишь на цвет какого-либо эталона: 1) "имеющий", 2) "такой же цвет", 3) "каков цвет..."[14]. На том основании, что словарные дефиниции большинства цветообозначений современного русского языка можно назвать остенсивными, то есть "отсылающими к впечатлениям от других референтов" [15], автор полагает, что "определить содержание вкусовых и цветовых семем иначе, чем на основании сравнения, невозможно, так как наше языковое сознание... не содержит знания существа отображенных им признаков" [14]. Таким образом, А.Н. Шрамм уподобляет все цветообозначения так называемым "отпредметным" названиям цвета (*апельсиновый, брусничный, ореховый* и т.д.). Отпредметные (окачествленные) цветообозначения - "развивающие качественное значение относительные прилагательные, образованные от названия предметов с ярко выраженной цветовой окраской" [16]. В их значении, действительно, присутствует указание на эталон цвета. Однако словарные дефиниции многих цветообозначений содержат указания и на иные признаки: "один из цветов спектра, средний между...", "светло-синий", "ярко-красный с примесью синего" и т.д. Кроме того, не ясно, каков эталон цвета, называемого древними прилагательными *бледный, смуглый, рыжий, румяный, багряный* или *дикий, жаркий*, по происхождению являющимися качественными прилагательными с нецветовым значением? Как на основании сравнения с предметом объединить цветообозначения в лексико-семантические парадигмы (ЛСП), то есть описать систему?

Упрощенное представление о семантической структуре цветообозначений приводит к ошибочному предположению и относительно генезиса их значения. Этимологический анализ общеславянских и индоевропейских праформ цветообозначений не подтверждает мнение

некоторых исследователей о том, что "описание значения названия цвета через сравнение есть древнейший прием формирования значений, свойственный недостаточно развитому мозгу" [14] или что "первыми образами для сообщения цвета были предметы, характерные носители цвета" [17].

Предпринятая нами попытка компонентного анализа цветообозначений в диахроническом аспекте показала, что в их смысловой структуре возможно выделение различных СК. Для обозначения некоторых из них удобно использовать термины "тон", "яркость", "насыщенность", "светлота". Но, учитывая несовпадение языкового и цветоведческого понимания этих терминов, считаем необходимым оговорить их соотношение.

Прежде всего, целесообразно разграничить понятия "цвет" и "окраска". Слова *цвет и окраска* могут употребляться как синонимы, но они способны заменять друг друга далеко не во всех контекстах. 'Цвет' для носителя языка обязательно имеет СК 'цветовой тон', 'окраска' – далеко не всегда: в языке возможны словосочетания *зеленый, красный, синий цвет – зеленая, красная, синяя окраска; бесцветная, трехцветная, пятнистая окраска,* но невозможны словосочетания *бесцветный цвет, трехцветный цвет, пятнистый цвет.* Прилагательные, называющие наличие/отсутствие цвета и количество цветов, видимо, не следует включать в ЛСГ цветообозначений, так как они являются названиями именно окраски, и объединяются с названиями цвета в более крупную ЛСП – поле окраски.

В работах по цветоведению и психофизиологии цвета основными качествами цвета считаются цветовой тон, насыщенность и яркость.

Цветовой тон - "длина волны излучения" - присущ хроматическим, то есть спектральным, цветам. Традиционно выделяют семь основных областей спектра, которые носят всем известные названия основных цветов: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Конечно, это деление несколько условно и существует масса промежуточных оттенков, и все же эти оттенки относят к какому-либо основному тону.

Несколько иначе дело обстоит в языке. Можно выделить целый ряд отличий, которые необходимо учесть при определении СК 'цветовой тон': 1) цветообозначение *голубой*, называющее в цветоведении самостоятельную область спектра, имеет синий цветовой тон, с точки зрения носителя языка; 2) ахроматические цвета белый, черный и серый, с цветоведческой точки зрения, не имеют цветового тона, а для носителя языка деление цветов на хроматические и ахроматические не существенно: *белый, черный и серый* так же являются названиями цвета; 3) для носителя языка не всегда важно, получены ли цвета или оттенки в результате изменения длины волны излучения (цветового тона), смешения цветов или изменения насыщенности, яркости. Коричневый цвет получается в результате изменения яркости и насыщенности цветов желто-оранжево-красной области спектра. Специфика же человеческого восприятия заключается в том, что изменение этих

характеристик "влечет за собой столь своеобразное изменение ощущения, что как бы порождает новый цвет" - коричневый [18]. Таким образом, с языковой точки зрения, цветовым тоном обладают все "основные" цвета, в том числе белый, черный, серый и коричневый.

Следующее качество цвета - яркость. Это физическое понятие, величина которого характеризуется количеством света, попадающего в глаз с поверхности, излучающей или отражающей свет. Носитель языка понимает яркость несколько иначе. На наш взгляд, определение *яркий* современный носитель языка может дать цвету, физическая насыщенность которого близка к максимальной при средней физической яркости, то есть наиболее *яркими* носителю языка представляются спектральные цвета. 'Яркость' в языке - это качество цвета, которое "регулируется" двумя характеристиками: не только физической яркостью, но и насыщенностью.

Под насыщенностью в цветоведении понимают степень отличия данного хроматического цвета от одинакового с ним по светлоте серого цвета. Максимально насыщенными являются спектральные цвета. Насыщенность падает при смешении с серым цветом. Для носителя языка *насыщенным* будет цвет близкий спектральному, но не только средней физической яркости, но и несколько пониженной. В этом случае *насыщенный* цвет может быть назван еще и *густым* ("темный насыщенный"). Определение *ненасыщенный* могут получить оттенки, в которых цвет какого-либо тона распознается с трудом. Для носителя языка не важно, получен ли такой оттенок понижением собственно насыщенности (смешением с серым) или значительным повышением яркости, когда глаз уже с трудом различает цвет. *Ненасыщенный* цвет в языке может быть *светлым и темным,* то есть выделяется еще одно самостоятельное качество цвета - светлота.

Понятие "светлота" в цветоведении тесно связано с понятием "яркость". Ощущение яркости прямого или отраженного света иногда называется "видимой" или "субъективной" яркостью света, именно его и принято обозначать термином *светлота*. Для цветообозначений признак 'светлота' несколько шире. Признаки 'светлый' и 'темный' носителем языка могут присваиваться оттенкам, полученным в результате изменения нескольких характеристик, потому что *светлым* оттенок может стать при: а) высокой собственной светлоте, которой обладают цвета середины спектра - желтый, зеленый, голубой; б) высокой яркости при максимальной насыщенности; в) высокой яркости при несколько пониженной насыщенности. Соответственно *темным* может быть назван оттенок: а) низкой собственной светлоты; б) низкой яркости при максимальной насыщенности; в) низкой яркости при несколько пониженной насыщенности.

Кроме того, носитель языка может охарактеризовать цвет как *грязный* или *чистый*. *Грязный* цвет представляется смешанным с черным или темно-

серым. Если же такой примеси нет, цвет считается *чистым*. В некоторых случаях человеческий глаз способен определить наличие в цвете примесей. Таким образом, можно выделить еще СК 'чистота' и СК 'состав'.

С помощью именно этих СК возможно описание семантики упомянутых выше цветообозначений, не имеющих эталона-носителя: *бледный* 'светлый + ненасыщенный' (СК 'светлота' и 'насыщенность'), *рыжий* 'красный+желтый' (СК 'состав'), *багряный* 'красный + яркий + с примесью синего' (СК 'цветовой тон', 'яркость' и 'состав'), *дикий* 'серый + темный' (СК 'цветовой тон' и 'светлота').

Компонентный анализ цветообозначений, функционирующих на том или ином этапе развития языка, позволил выделить и некоторые другие собственно языковые СК, релевантные для описания цветообозначений как языковых единиц: 'эталон', 'носитель' окраски или цвета, 'способ приобретения', 'светимость (наличие блеска)', 'однотонность'.

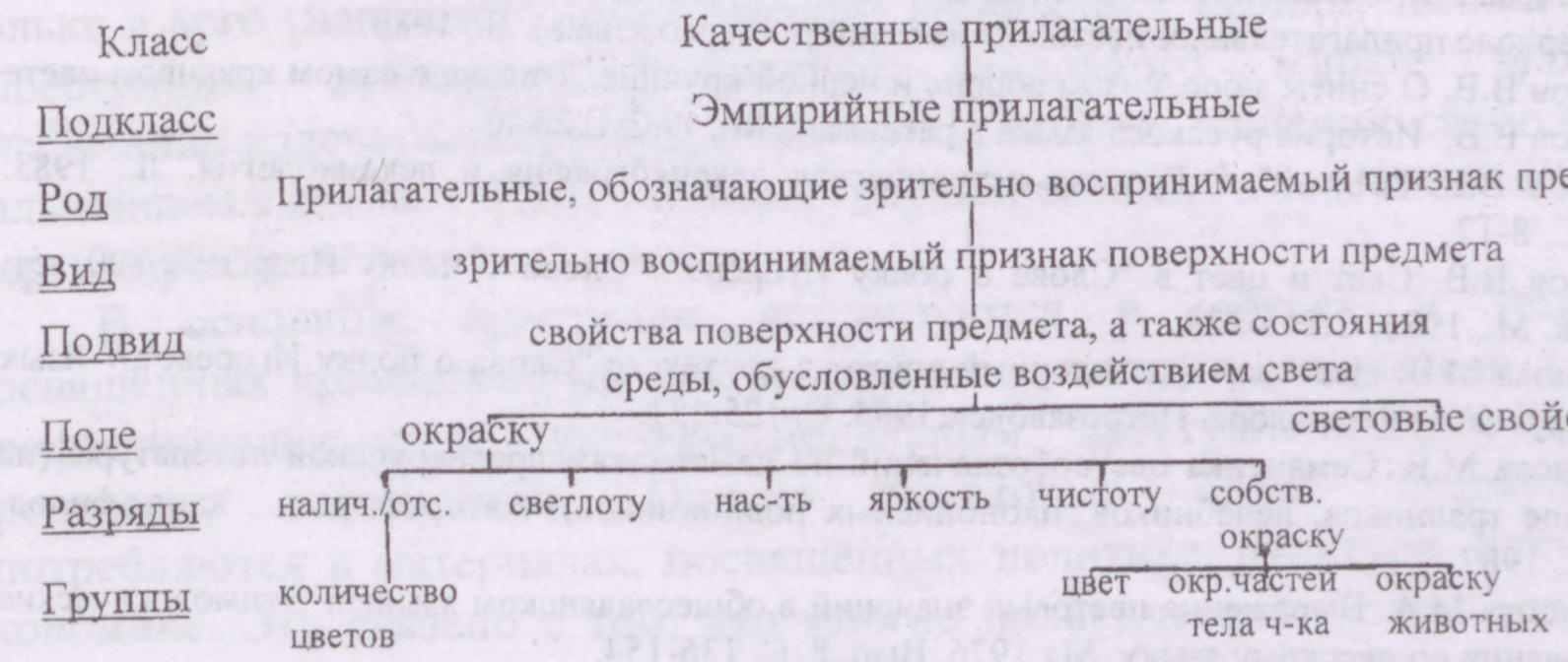
Не имея возможности в пределах статьи подробно изложить результаты компонентного анализа семантики цветообозначений и описать системную организацию данного пласта лексики на различных этапах развития, укажем лишь на то, что эволюция семантической структуры ЛСГ цветообозначений от индоевропейского, общеславянского и древнерусского языков к современному русскому в наиболее общем виде может быть представлена как процесс постепенного вычленения цветообозначений в самостоятельную ЛСГ слов, называющих собственно цветовой признак. Этот процесс находит свое выражение, прежде всего, в изменении характера архисемы, то есть СК, входящего в семантику всех членов ЛСГ.

Индоевропейские праформы цветообозначений являлись наименованиями не собственно цветового, а синкретичного свето-цветового признака, поскольку они называют различные "модификации" света, из которых лишь в дальнейшем развивается понятие окраски и цвета (см. подробнее в нашей указанной ниже статье). Архисемой для этих праформ является СК 'зрительно воспринимаемый признак поверхности предмета'.

В общеславянском языке праформы цветообозначений утрачивают "световую" составляющую и становятся названиями признаков, объединенными архисемой 'окраска': цветообозначения в большинстве случаев утрачивают "световые" семы, но СК 'цветовой тон' выделяется не во всех значениях (нет его в семантике праформ *belъ, *bledъ, *solvъ), а часть цветообозначений еще синкретична по тону (*sinь, *polvъ).

В древнерусском языке начинает формироваться новая архисема – 'цвет', что связано с появлением и дифференциацией СК 'цветовой тон' в семантике большей части цветообозначений (в том числе, в значении прилагательных *соловый, половый и бЬлый, синий* с XIII в.). Этот процесс сопровождается делением цветообозначений на три указанные ниже группы в зависимости от конкретизации СК 'носитель', причем обязательность СК 'цветовой тон' наблюдается лишь в группе собственно цветообозначений.

Для современного русского языка иерархию парадигм, в которые входит ЛСГ цветообозначений, можно представить следующим образом:



В древнерусской лексической системе границы между группами собственно цветообозначений, названий окраски частей тела человека и масти животных были проницаемы. Первоначально группы вообще не вычленялись в разряде названий собственно окраски (ср. возможные сочетания *конь блЬдъ, волосы желтые, ягодка воронена*). В общеславянском языке разряд названий собственно окраски не вычленялся из поля окраски. В индоевропейском же слиты были поля названий окраски и световых свойств: индоевропейское цветообозначение - это синкрета, называющая зрительно воспринимаемый свето-цветовой признак поверхности предмета (в современном языке - это подвид качественных прилагательных).

В процессе эволюции ЛСГ древние архисемы не утрачиваются, а становятся архисемами более высокого уровня абстракции, обеспечивающими системные связи ЛСГ, объединяющими цветообозначения с названиями световых качеств, названиями окраски и собственно окраски.

Итак, мы попытались доказать, что системное описание цветообозначений с помощью компонентного анализа их семантики вполне осуществимо. Более того, такое описание чрезвычайно важно именно в диахроническом аспекте, так как оно дает возможность проследить взаимодействие различных ЛСГ на разных этапах их развития, выявить некоторые общие закономерности в развитии взаимосвязанных пластов лексики, что в более широком плане может дать представление об общих закономєрностях эволюции лексико-семантической системы языка в целом.

Примечания

1. Клименко Л.П. Лексико-семантическая система древнерусского глагола и ее отражение в памятниках письменности XI-XIV вв. Горький, 1990. С.7.
2. Алимпиева Р.В. Семантическая структура слова "белый" // Вопросы семантики. Л., 1976. Вып. 2. С. 13-24.

3. Алимпиева Р.В. Развитие смысловых отношений в лексико-семантической группе прилагательных синего тона в русском литературном языке (40-70 гг. XX в.) // Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980. С.90-101.
4. Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: (На материале прилагательных-цветообозначений русского языка). Л., 1986.
5. Колесов В.В. О синем море, сизом вороне и черной кручине, а также о самом красивом цвете // Колесов В.В. История русского языка в рассказах. М., 1982. С.27-40.
6. Колесов В.В. "БЬлый" // Русская историческая лексикография и лексикология. Л., 1983. Вып.3. С. 8-17.
7. Колесов В.В. Свет и цвет в "Слове о полку Игореве"//"Слово о полку Игореве". 800 лет: Сборник. М., 1986. С.215-229.
8. Пименова М.В. Цветовой фольклорный эпитет в контексте "Слова о полку Игореве" // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск,1985. С. 125-131.
9. Пименова М.В. Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы (на материале травников, лечебников, иконописных подлинников): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Л., 1987.
10. Суровцова М.А. Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1976. Вып. 8. С. 136-154.
11. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С.34.
12. Фрумкина Р.М. Цвет. Смысл. Сходство. М., 1984.С. 138; 139.
13. Соколовская Ж.П. Система в лексической семантике. (Анализ семантической структуры слова). Киев, 1979. С.13.
14. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: На материале современного русского языка. Л., 1979. С. 66; 68.
15. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 137.
16. Грановская Л.М. Прилагательные, обозначающие цвет в русском языке XVIII-XX вв.: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1964. С. 6.
17. Мурьянов М.Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений // Вопросы языкознания. 1978. № 5. С. 93-109.
18. Шаронов В.В. Свет и цвет. М., 1961. С. 225.

А.Ю. Костин

ПРАВОМЕРНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ АРГОТИЗМОВ В ПРЕССЕ (на примере нижегородских газет)

В газетах и журналах последних лет, по мнению ряда учёных, мы часто встречаем то, что раньше слышали только от деклассированных городских низов, уголовных элементов. «А сейчас *тусовки, разборки, наезды, балдёж, беспредел, на халяву, лапшу на уши вешать* поселились на страницах газет и иных изданий, следовательно, так или иначе входят в нашу речь, влияют на неё» [1].

Объектом нашего исследования как раз и послужили арготизмы, извлечённые из нижегородской прессы. Под арго мы понимаем лексику деклассированных элементов [2] (преступников, бродяг, проституток, шулеров, наркоманов и пр.). Нами выявлено более 500 лексических единиц.

Мы учитываем, что ряд найденных слов «людей дна» употребляется как в арго, так и в просторечии (например: *мент* «сотрудник правоохранительных органов», *опер* «оперуполномоченный»). Другие же слова употребляются только в арго (например: *крысятничать* «воровать у своих», *чёткий пацан* «преступник, соблюдающий законы уголовного мира», *прописка* «испытание-издевательство над новичком в местах лишения свободы» (в дальнейшем в статье – МЛС), *лошара* «глупый человек, в том числе и глупая жертва преступления»).

В основном, арготизмы используются в статьях и заметках, посвящённых криминальным темам: описанию жизни уголовников в МЛС, профессиональным и непрофессиональным преступлениям, судебным процессам, наркоманам. Однако некоторые слова преступников употребляются в материалах, посвящённых политике, культуре, искусству, экономике. Это связано с тем, что многие политические и экономические события, а также события культурной жизни и искусства пересекаются с криминалом.

В исследовании решаются следующие задачи:

- определить, какие группы арготизмов используются в статьях;
- выявить арготизмы-«фавориты» (термин впервые употребил Д. С. Лихачёв; у нас же он будет иметь более конкретный характер – арготизмы, встречающиеся на страницах газет наиболее часто);
- определить правомерность использования арготизмов в газетах.

Вначале рассмотрим группы арготизмов, встречающихся в прессе. В зависимости от темы статьи используются различные типы арго: общеуголовное (то есть слова и выражения, употребляемые всеми или почти всеми разрядами деклассированных элементов [3]), тюремное (слова и выражения, связанные с реалиями быта исправительно-трудовых учреждений [2]) и специализированные (слова и выражения, употребляемые определёнными разрядами деклассированных элементов: ворами-карманниками, шулерами, наркоманами, проститутками и пр.[3]). В качестве примеров общеуголовного арго, встречающегося в нижегородской прессе, можно привести следующие слова и выражения:

- *забить стрелку* «договориться о встрече»

• Забил Лисе стрелку на разборки (журнал «Телемир», № 41, 2000)

- *ментура* «отделение милиции или милиция в целом»

• Срок новоявленный Гамлет схлопотал условный, но из ментуры вылетел – что, собственно, и требовалось его начальству… («ПК», № 47, 2000)

- *замочить кого-либо* «убить кого-либо»

• Тут Вадим возьми да и скажи: «Ты всего-то воришка, а я вчера человека замочил!» («ПК», № 47, 2000)

- *общак* «общая касса преступников, в которую они регулярно вносят деньги»

• Пожилому человеку сразу следует заявить, что он «определяется в мужики» (то есть будет работать, а если потребуют – платить в «общак») («Проспект», № 47, 2000)

- *кинуть кого-либо* «обмануть кого-либо»

• В Большемурашкинском районе кинули СПК «Колос». Не известный пока мошенник по подложным банковским документам получил 9600 рублей этого предприятия («ПК», № 47, 2000)

Общеуголовное арго встречается в статьях, посвящённых преступлениям, следствиям по уголовным делам, а также в небольших заметках на криминальную тему и в криминальных сводках. Хотя иногда общеуголовное арго встречается и в статьях, посвящённых жизни уголовников в местах лишения свободы (см. слово «общак» в приведённом выше примере).

Тюремное арго также часто используется на страницах нижегородских газет, в статьях, посвящённых тюремной теме. В них наиболее часто употребляются следующие группы арготизмов:

1. Названия каст заключённых, см. примеры:

- *Чмо* «грязный и забитый человек, которого можно безнаказанно унизить, ударить»

• Как глянешь по нынешней жизни – куда ни плюнь, всякое чмо обязательно умняки корчит и по ящику, и в газетах, и по радио – за жизнь арестантскую, за колонии и тюрьмы, и каждый урод себя за знатока держит («Проспект», № 49, 2000)

- *Мужик* «заключённый, работающий в местах лишения свободы и отдающий часть заработка в воровскую кассу»

• Пожилому человеку сразу следует заявить, что он «определяется в мужики» (то есть будет работать, а если потребуют – платить в «общак») («Проспект», № 47, 2000)

- *Парашник* «новичок в исправительно-трудовых учреждениях (в дальнейшем в статье – ИТУ), не прошедший испытания, предложенные уголовниками»

• Если человек не прошёл «прописки», он определяется как «парашник», и, приходя в сознание, ощущает себя на этом месте. «Парашник» - это ещё не «петух», но уже и не «мужик» (или «пацан» на малолетке). Из «парашника» можно стать «мужиком» в любое время [там же]

- *Обиженный* «заключённый, которого «опустили», т. е. поставили определёнными действиями на низшую ступень криминальной «лестницы» и, вследствие этого, подвергающийся издевательствам со стороны других заключённых»

• В изоляторах камеры поделены. В одних сидят «блатные», в других – «красные» (те, кто сотрудничает с администрацией), в третьих – «обиженные» («ПК», № 51, 2000)

2. Обозначения предметов тюремного обихода

- *Баланда* «похлёбка, которой кормят заключённых»

• *Но люди получили возможность вместо вонючих казематов СИЗО сидеть в тёплых камерах внутреннего СИЗО КГБ.... Да и питались не баландой...(*«Проспект», № 47, 2000)

- Параша *«ёмкость и место для испражнений и нечистот в местах лишения свободы»*

• *Действовать надо через адвоката. Многие опера, подписавшись на вашем заявлении о голодовке, отправят его «в парашу» (*«Проспект», № 47, 2000)

3. Названия ИТУ и помещений в них:

- *Кича* «тюрьма»

• Теперь, на «киче», ему, наверное, объяснят, что торговать оружием – нехорошо («ПК», № 49, 2000)

- *Петушатник* «место в камере, где содержатся «опущенные», см. лексическое значение у слова “обиженный”»

• Ну этих я сам не повезу, - сплюнул Петрович. – У меня «тачка», а не «петушатник» («Жизнь», № 1, 2001)

- *Обезьянник* «камера предварительного заключения»

• Вадик обратился к сержанту и указал на «обезьянник». – Мне туда? (там же)

- Красная хата (камера для сотрудников правоохранительных органов)

• И дело вовсе не в «красной хате», куда сажают подследственных из правоохранительных органов, чтобы уголовники их не удавили («П», № 28, 2000)

4. Названия вольнонаёмных работников:

- *Кум* «начальник оперотдела в ИТУ»

• Даже безвинные поначалу шашни с «кумом» - всегда беда, всегда опасность, от которой не скрыться («ЛС», № 21, 2000)

• Беседа с лагерным «кумом» - довольно откровенная, я таких вещей от ментов не слышал ни про «козлов», ни про «петухов» («Проспект». № 48, 2000)

- *Вертухай, попкарь* «надзиратель в местах лишения свободы»

- *Придурки* «заключённые, которые сотрудничают с администрацией ИТУ, занимая какую-либо хозяйственную должность и уважительно относящиеся к профессиональным преступникам»

- *Козлота* «заключённые, сотрудничающие с администрацией ИТУ, резко настроенные против профессиональных преступников»

• В 1999 году исполнилось около 40 лет выдающемуся произведению А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Многое изменилось с тех пор. И форма у зеков сейчас другая, иная нумерация статей УК, даже

язык на зонах другой: вместо «вагонки», «вертухая», «придурков» сейчас в ходу «шконка», «попкарь», «козлота» («П», № 29, 2000)

Специализированные арго, встретившиеся в нижегородской прессе, представлены следующими разновидностями:

1. Арго воров-карманников, например:

- *Лопатник* «бумажник»

• Задний карман брюк лучше держать пустым, хотя этикетом не возбраняется держать в нём тонкий бумажник (и только в том случае, если карман застёгивается на пуговицу, иначе любой карманник одним движением лишит вас заветного «лопатника») («Проспект», № 5, 2001)

2. Арго проституток, например:

- *Клиент* «человек, пользующийся услугами проститутки»

• Пришли мы с «клиентом» домой к подруге («Проспект», № 5, 2001)

Отдельно следует рассмотреть арготизмы, характерные для речи наркоманов. По последним статистическим данным, число наркоманов в Нижегородской области достигло 150 000 человек. Слова наркоманов прочно закрепились в нижегородской прессе. Приведём основные группы арготизмов наркоманов:

➢ обозначения наркотиков (*герыч, гера* «героин», *черняшка* «неочищенный мак или конопля», *травка, дурь* «гашиш»; *беленький, китаец* «наркотик в виде порошка», *ширка* «наркотик, вводимый в организм посредством шприца»);

➢ обозначения предметов, используемых наркоманами при употреблении наркотиков (*машинка* «шприц», *косяк* «самодельная сигаретка, предназначенная для раскуривания наркотиков»);

➢ действия и процессы со значением «быть зависимым от наркотиков» (*подсесть на иглу, сесть на иглу, сесть на систему*);

➢ действия и процессы со значением «ввести наркотическое вещество в организм» (*уколоться, вкатить, раскумариться, замутить*);

➢ обозначения ощущений, испытываемых наркоманами (*ломка* «абстиненция», *кайф* «эйфория от действия наркотиков»).

Кроме того, в газетах можно встретить и другие слова наркоманов, например: *дорожка* «след на руке наркомана от уколов», *точка* «место продажи наркотиков», *зверь* «торговец наркотиками из Средней Азии» и пр.

Специализированные арго встречаются в статьях, посвящённых деятельности преступных группировок, операциям по захвату какой-либо банды, а также описывающих образ жизни представителя криминальной группы (см., например, статьи «Нижегородский Азербайджан» («ПК». № 18, 2001), «Клубничный рейс» (там же), «Шакалы» («ПК», № 47, 2000)).

Если проанализировать частотность употребления арготизмов, то можно выявить арготизмы-«фавориты» нижегородских журналистов. Наиболее часто в газетах употребляются следующие группы арготизмов:

1) со значением «обмануть кого-либо» (кинуть, нагреть, обуть);
2) со значением «убить кого-либо» (кончить, сделать, покрошить, замочить, завалить);
3) со значением «сотрудник правоохранительных органов» (мент, ментик, мусор, следак).

Очень часто можно встретить слова с корнем -брат-, обозначающие членов преступных группировок: *братан, браток, братва, брателло, братик*. Они уже перешли в обыденную речь как бизнесменов, так и в речь подростков, членов неформальных молодёжных групп. Если же в статье описывается тюремная жизнь, то часто используются такие слова, как *баланда, петух, опустить, параша*. В статьях, посвящённых мошенничеству (особенно мошенничеству в многолюдных местах), обязательно употребляются слова с корнем -лох-: *лох* «глупый человек, потенциальная жертва преступника», *лошара* (значение то же, что у слова *лох*), *лохануться* «совершить ошибку, просчитаться», *лоходром* «место скопления потенциальных жертв преступников», *лоховский* «принадлежащий или относящийся к *лоху*». В статьях о наркоманах популярными являются слова *наркота* «наркотики», *колоться* «вводить наркотик в организм посредством шприца», *дурь* «общее обозначение наркотиков; наркотик гашиш», *травка* «наркотик гашиш». Очень употребительны в нижегородских газетах лексемы *пушка* «пистолет», *мокруха* «убийство», *бабки* «деньги», *штука* «тысяча рублей», *разборки* «выяснения отношений между преступными группировками», *забить стрелки* «договориться о встрече», *зона* «тюрьма». В основном, это слова общеуголовного арго.

Давно возник вопрос о правомерности использования арготизмов в прессе. В каждой газете мы можем встретить огромное количество арготической лексики. Больше всего поражает тот факт, что арготизмы используются также и в статьях, посвящённых политике, экономике, культуре. В газетах печатаются интервью с известными людьми, которые «ради меткого словца» употребляют блатные выражения. Известная певица Юлия Чичерина в интервью для газеты «Проспект» сказала: «Когда снится хорошее, *в облом* просыпаться» («Проспект», № 46, 2000). Леонид Якубович заявляет: «Меня не преследуют толпы поклонников, потому что редко появляюсь им на глаза. Я не «тусовщик»» («ВА», № 51, 2000). Мэр Нижнего Новгорода Юрий Лебедев говорит в интервью газете «Нижегородский рабочий»: «Я могу *«наехать»* на Министерство обороны: у меня погоны старшины и мэра города» («НР», от 4 мая 2000 года). Политика и экономика в нашей стране за последние несколько лет настолько криминализировались, что даже в статьях на политические и экономические темы журналисты не обходятся без использования арготизмов, хотя во многих случаях могли бы обойтись и без блатного слова, заменив его синонимом из русского литературного языка. Например, в предложении *Сбежал отец-настоятель, прихватив с собою полтора «арбуза» из монастырской казны* («ПК», № 45,

2000) слово *арбуз* «миллиард рублей» можно было заменить этим выражением (*Сбежал отец-настоятель, прихватив с собою полтора миллиарда рублей из монастырской казны*). Смысл от этого не изменится, а статья была бы понятнее, культурнее. Но есть и такие газетно-публицистические работы, где на первый взгляд, правомерно использование арготизма. Иногда в русском литературном языке нет эквивалента арготическому слову, см., например, лексему *лохотронщик* в предложении *С «лохотронщиками» столкнулся неделю назад и наш внештатный корреспондент* («НН» от 3.11.2000). В русском языке нет литературного эквивалента слову *лохотронщик* «мошенник, вымогающий деньги у людей с помощью лототрона». Не найдётся литературного соответствия и слову *бодяга* «водка плохого качества», см. контекст: *Они даже не стали выселять домашних животных, выпуская бодягу среди горластых петухов и ушастых кроликов, которые служили «подпольщикам» хорошим прикрытием* («Проспект», № 13, 2001). Иногда арготизмы используются в сатирических (юмористических) целях, когда высмеивается речь уголовников и бизнесменов. Заменить блатное слово литературным в этом случае можно, но тогда произведение потеряет эмоциональность, экспрессивность, см., например, отрывок из сказки «Заяц и Лиса» (журнал «Телемир», № 41, 2000): *Заяц, в натуре, клюв разинул и лоханулся конкретно*. Если заменить арготизмы литературными словами (*Заяц открыл рот от удивления и сделал серьёзную ошибку*), то предложение потеряет сатирический характер.

Существует также целый ряд негативных моментов при использовании арготизмов в прессе. Во-первых, многие журналисты перенасыщают свои статьи арготической лексикой, что делает их труднопонимаемыми, «грязными», некультурными. Очень часто создаётся впечатление, что автор статьи намеренно использует такое количество арготизмов, чтобы передать романтику воровской жизни. Нам как будто бы говорят: «Посмотрите, как интересно и увлекательно быть преступником и наркоманом!» Приведём некоторые цифры. В небольших криминальных сводках иногда встречается 3-4 арготизма, в статьях среднего размера может быть от 8 до 12 арготизмов, в больших статьях на криминальную тему число блатных слов увеличивается до 15-20. Журналисты неверно полагают, что этим они заинтересуют читателя, но эффект получается противоположный: пропадает желание читать статью.

Следует отдельно сказать об эмоционально-экспрессивной окраске, грубости и вульгарности использованных в прессе арготизмов. Если у некоторых слов и выражений степень грубости меньше (см. лексемы *арбуз* «миллиард рублей», *кича* «тюрьма», *бабки* «деньги», *капуста* «деньги», *ломка* «абстиненция», *машинка* «шприц», *девочка* «проститутка»), то у других она довольно велика (см., например, лексемы *лох* «глупый человек», *пидор гнойный* «гомосексуалист», *ссученный* «заключённый,

сотрудничающий с администрацией ИТУ», *петух* «заключённый, с которым другие заключённые совершают насильственный половой акт», *опустить* «совершить насильственный половой акт», *парашник* «заключённый, живущий в камере около ёмкости для нечистот»). Такие арготизмы вызывают особое возмущение, поскольку они оскорбляют читателя своей непристойностью. Особенно много грубых арготизмов можно найти в газетах «Проспект» и «Ленинская смена».

Возмущает тот факт, что в большинстве случаев журналисты не объясняют значение блатных слов, которые они используют. Это делает статью непонятной. Как, например, человек, не знающий арго, сможет понять такое предложение: *Взад подгребает, а Лиса хату уже втихаря на себя зарисовала и сидит, такая, типа всё пучком и с понтом здесь выросла* (*Возвращается, а Лиса тайком дом уже на себя оформила и делает вид, что всё хорошо, что так и должно быть*)? Хотя иногда (но очень редко), журналисты всё-таки объясняют значения некоторых слов уголовников. Арготизмы выделяются графически (в основном, их заключают в кавычки или печатают курсивом). Кроме того, журналист объясняет значение арготизма непосредственно в предложении. Например: *...на минувшей неделе Гордеевский «пятак» подкинул канавинским сыщикам неприятный сюрприз – на нём впервые провернул своё дельце жулик, использовавший метод майданщиков, то есть железнодорожных воров, вживающихся в образ «попутчиков»* («ПК», № 18, 2001). Если и объясняется значение арготизма, то почти всегда используется союз «то есть». Нередко значение блатного слова видно из контекста. Например, из контекста становится понятным значение слова *малёк* «преступник, не имеющий веса в преступном мире, рядовой преступник» в предложении *А вообще говоря, задержанные вызывают чувства смешанные. Ведь явно же это «мальки», занявшиеся наркоторговлей от нищеты*(«ПК», № 18, 2001).

Порой журналисты, значение арготического слова не знают и в результате употребляют его неверно. Например: *В 1999 году исполнилось около 40 лет выдающемуся произведению А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Многое изменилось с тех пор. И форма у зеков сейчас другая, иная нумерация статей УК, даже язык на зонах другой: вместо «вагонки», «вертухая», «придурков» сейчас в ходу «шконка», «попкарь», «козлота».* В этом предложении автор приравнивает такие понятия, как «придурки» и «козлота». Однако неправильно ставить между ними знак равенства. «Придурок» - это заключённый, который сотрудничает с администрацией ИТУ, занимая какую-либо хозяйственную должность и уважительно относящийся к профессиональным преступникам, а «козёл» – заключённый, который также сотрудничает с администрацией ИТУ, но негативно относится к профессиональным преступникам. Примеров такого неверного использования арготизмов в нижегородской прессе – множество.

Опрос журналистов показывает, что они считают арготическое слово живым, ярким, метким, хотя, на самом деле, они, вводя блатное слово в текст газетно-публицистического произведения, оскорбляют читателя, загрязняют русский язык. Нельзя не согласиться с лингвистом В. В. Колесовым в том, что наша речь ориентирована «на критерии и стандарты низших слоёв общества – бомжей, урок, криминал-коммерсантов» [4]. И во многом повинны СМИ, в частности, газеты. Журналисты утверждают, что они в своих статьях и заметках отражают жизнь. Но отражать её надо не с позиций криминалитета, а с позиций законопослушного общества и не арготизмами, а литературными словами.

Авторы статей, используя нелитературные слова, загрязняют язык, способствуют тому, что арготическая лексика становится общеупотребительной. Нам кажется, что избавление от арготизмов во многом зависит от главных редакторов газет, поэтому рекомендуем не пропускать в печать статьи, содержащие слова криминала.

Примечания

1. Скворцов Л. И. Культура русской речи. М., 1995. С.9.
2. Грачёв М. А. Русское арго. Н.Новгород, 1997. С. 11;13.
3. Грачёв М. А. Язык из мрака: блатная музыка и феня. Н.Новгород, 1992. С.19.
4. Колесов В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. Санкт-Петербург, 1988.

Список источников

1) Газета «Ваша антенна» (ВА)
2) Газета «Вести Нижегородской губернии» (ВНГ)
3) Газета «Жизнь»
4) Газета «Ленинская смена» (ЛС)
5) Газета «Нижегородские новости» (НН)
6) Газета «Нижегородский рабочий» (НР)
7) Газета «Понедельник» (П)
8) Газета «Понедельник-Криминал» (ПК)
9) Газета «Проспект»
10) Журнал «Телемир»

Список сокращений

ИТУ – исправительно-трудовое учреждение
МЛС – места лишения свободы

СОДЕРЖАНИЕ

Анисимова Е.В. Вариантные формы деепричастий совершенного вида в современной художественной литературе 5

Белоусова Т.П. Структурно-семантические связи единиц фразеодеривационного гнезда (на материале гнезда фразеологизма *мыльная опера*)..... 10

Васильева Т.В. Обучающие тесты как способ представления учебной информации 18

Грачев М.А. Татуировки деклассированных элементов как лингвистический объект исследования 29

Глинских Г.В. Арготизм *бикса* (к вопросу о происхождении). 37

Гугунава Д.В. Особенности морфемного статуса препозитивных заимствованных частей слов *супер-* и *гипер-*.. 42

Дмитренко Н.П. Поле «характер» 48

Долгов Ю.С. Проявление энергии языковых единиц – один из главных законов валентностной грамматики 53

Ипатова И.С. Публичная речь: организация диалогового пространства 57

Кваша Н.К. Семантические преобразования устойчивых сочетаний в газетных заголовках 64

Кожемякова Е.А. Эволюция лексико-семантической системы языка: к проблеме системного описания цветообозначений в диахроническом аспекте 73

Костин А.Ю. Правомерность употребления арготизмов в прессе (на примере нижегородских газет)..... 80

ЯЗЫК • РЕЧЬ • РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Межвузовский сборник научных трудов
Выпуск четвертый
Часть первая

Редакторы: Шахрова Л.П., Морозова Н.И.

Лицензия ЛР №020073 от 20.06.97

Подписано в печать 21.08.01 Формат 60x90/16 Печать офсетная

Печ. л. 5,6 Тираж 200 экз. Заказ Цена договорная

Издательство НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
603155, г. Н. Новгород, ул. Минина 31-а